

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолжение).

Г

VII. *Иуда—христіанинъ*. Церковь есть тѣло Христово, коего отдѣльные члены живутъ въ таинственно-органическомъ взаимообщеніи съ Богочеловѣческой Главою (Іоан. 14, 1 сл. 1 Кор. 14 гл. Ефес. 4 гл. др.). Началомъ этого таинственно-живаго единенія Богочеловѣческой Главы съ Ея церковнымъ тѣломъ была первая Евхаристія, и именно: слова Господа на тайной вечерѣ „примите, ядите, это есть тѣло Мое,—пейте изъ нея всѣ, это есть кровь Моя Новаго Завѣта“ и вкушеніе тѣла и крови Богочеловѣка Христа участниками вечери—апостолами. Это было первое церковно-христіанское таинство для апостоловъ, не принимавшихъ крещеніе во имя Христа.

Христіанами въ этомъ смыслѣ апостолы стали на тайной вечерѣ. По непосредственному впечатлѣнію и прямому смыслу евангельскихъ повѣствованій участникомъ Евхаристіи былъ и Иуда предатель. Первые три евангелиста-синаптики не говорятъ объ удаленіи Иуды съ вечери, предрасполагая тѣмъ самымъ къ мысли, что Иуда отдѣлился отъ общества Христова, когда всѣ „восгѣвъ вышли“. А Іоаннъ хотя и указываетъ выразительно, что Иуда ушелъ съ вечери ночью послѣ даннаго ему Христомъ куска, но при опущеніи у него разсказа о евхаристіи невозможно опредѣлить, до или послѣ евхаристіи было удаленіе Иуды. Впрочемъ общее отношеніе четвертаго евангелія къ синаптикамъ предполагаетъ въ немъ точку зрѣнія послѣднихъ, т. е. участіе Иуды въ евхаристіи.

Древне-церковное преданіе въ данномъ случаѣ, какъ и нѣрѣдко, къ сожалѣнію не даетъ въ руки современнаго экзе-

геса руководственныхъ и устойчивыхъ разъясненій. Одни (Златоустъ, Августинъ др. мн. и древне-христіанская иконографія) допускаютъ участіе Іуды въ евхаристіи, очевидно руководясь непосредственнымъ впечатлѣніемъ евангельскихъ повѣствованій и основываясь на экзегетическихъ соображеніяхъ. Но нѣкоторые допускали и отсутствіе Іуды при евхаристіи тайнѣ. Такъ уже Таціанъ (2 в.) въ своемъ Діатессаронѣ ставилъ Іоан. 13, 30 (удаленіе Іуды) ранѣе евангельскихъ повѣствованій о таинствѣ Новаго Завѣта ¹⁾. Вслѣдъ за нимъ тоже самое утверждаютъ Ефремъ Сиринъ ²⁾ и Афраатъ ³⁾, пользовавшіеся Таціановымъ Діатессарономъ. Также—Апостольскія Постановленія ⁴⁾, Аммоній ⁵⁾, Гиларій др. ⁶⁾. Но и это мнѣніе основано не на древне-христіанскомъ преданіи, а на догматическомъ соображеніи о недостойнствѣ

¹⁾ Такъ по Ефрему Сирину *Evangelii concordantis expositio*, ed. Moesinger, p. 221.—Афраату, *The homilies* ed. Wright, 1864,—221, 18 и 223, 3.—у Zahn'a *Forschungen zur Geschichte des Neutestamentlichen Kanons*, 1. § 22. S. 204,—и Ciasca, *Tatiani evangeliorum harmoniae arabice*, cap. XCV

²⁾ Ibid. 221: „Потому обмочу хлѣбъ, чтобы не дать ему съ хлѣбомъ и завѣта (т. е. таинства евхаристіи),—омылъ прежде хлѣбъ и тогда далъ ему... Жадность отлучила Іуду отъ совершенныхъ членовъ Господа, такъ что и Спаситель ясно научилъ, что онъ (Іуда)—не отъ тѣла Его Церкви, но—прахъ, приставшій къ ногамъ Его учениковъ... Такимъ же образомъ (т. е. какъ посредствомъ умовенія водою удалилъ пылъ съ ногъ учениковъ) Господь отдѣлилъ Іуду отъ учениковъ посредствомъ воды, когда далъ ему хлѣбъ обмочуемый въ воду (въ блюдо съ жидкою приправою); такъ какъ онъ не былъ достоинъ того хлѣба, что вмѣстѣ съ виномъ давался двѣнадцати апостоламъ (терминъ „двѣнадцать“ здѣсь очевидно имѣетъ значеніе собственнаго имени), ибо не подобало, чтобы предавшій Его на смерть посредствомъ хлѣба пріялъ Того, Кто спасъ отъ смерти“. Потомъ уже у Ефрема слѣдуетъ разсказъ объ установленіи Евхаристіи (стр. 222).

³⁾ Ibid. 221. 18: „послѣ того какъ Іуда ушелъ отъ нихъ, взялъ Онъ хлѣбъ“ и пр.

⁴⁾ V, 14 ed. Migne gr. 1, 873. С: *παράδοξος δὲ ἡμῖν τὰ ἀντίτυπα μυστήρια τοῦ τιμίου σώματος αὐτοῦ καὶ αἵματος, Ἰούδα μὴ συμπαρόντος ἡμῖν.*

⁵⁾ *Harm. Evang* c. 155.

⁶⁾ In *Math. can.* 30: не могъ пить съ Господомъ тотъ, кто не имѣлъ пить въ царствѣ... овъ не былъ достоинъ причастія вѣчныхъ тайнъ—Migne lat. IX. 1065. Ср. Теофил. In *Math.* 26 с: упоминаетъ какъ мнѣніе нѣкоторыхъ: *τινὲς δὲ φασίν, ὅτι ἐξελθόντος τοῦ Ἰούδα μετέδωκε τῶν μυστηρίων τοῖς ἄλλοις μαθηταῖς.*

Іуды быть участникомъ великаго христіанскаго таинства евхаристіи (Ефремъ, Гиларій). Отсутствіе историческаго преданія объ этомъ и личное усмотрѣніе здѣсь всего болѣе удостовѣряются примѣромъ такого приверженца преданія, какъ Кириллъ Александрійскій: въ толкованіи на евангеліе Іоанна ¹⁾ онъ считаетъ „кусокъ“, данный Іудѣ Христомъ за „евхаристійный хлѣбъ— *εὐλογία*“, а во фрагментахъ толкованія на евангеліе Матѳея говоритъ: „послѣ того какъ вышелъ Іуда, преподаетъ Спаситель одиннадцати ученикамъ спасительное таинство“ ²⁾. Это колебаніе одного изъ самыхъ сильныхъ поборниковъ апостольскаго и церковнаго преданія особенно внушительно въ виду того, что ко времени Кирилла преданіе церковное существенно опредѣлилось уже какъ со стороны содержанія такъ и формы.

Итакъ, первое и прямое впечатлѣніе отъ евангельскихъ сообщеній заставляетъ насъ признать участіе Іуды въ евхаристійномъ таинствѣ и считать предателя христіаниномъ, хотя бы и недостойнымъ и невѣромъ, каковымъ оказался онъ и въ качествѣ апостола ³⁾.

А это обязываетъ насъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ событій на тайной вечерѣ, при коихъ могъ присутствовать Іуда.—и уяснить то дѣйствіе, какое они могли имѣть на предателя.

Для этой задачи мы имѣемъ: а) три параллельныхъ сообщенія синоптическихъ евангелій (Мѳ 26, 20—30 Мк 14, 17—26 Лк 22, 14—39), къ коимъ примыкаетъ древнѣйшее письменное изложеніе событія въ 1 Кор 11, 23—25,—б) описаніе тайной вечера въ четвертомъ евангеліи (Іо 13, 1—30) и в) обрядъ пасхальной вечера іудейской въ древне-іудейскихъ памятникахъ, особенно въ трактатѣ Мишны о пасхѣ.

Основываясь на сравненіи евангельскихъ и апостольскаго

¹⁾ Іоанн. 13, 27 и 30 ed. Pusey II. 367. 27,—369. 14,—375, 7,—376. 2.

²⁾ Migne gr. LXXII. 451, A—B.

³⁾ Невѣріе или заблужденіе Іуды, его предательство и вообще недостоинство не должны служить препятствіемъ къ этому, такъ какъ и въ христіанской церкви не только среди пріемлющихъ, но даже и совершающихъ таинство евхаристіи, слѣдовательно представляющихъ не Іуду, а Самого Христа,—развѣ итъ лицъ съ противохристіанскимъ образомъ мысли и жизни,—думающихъ и дѣйствующихъ не какъ Христосъ, а какъ Антихристъ?

сообщеній между собою и съ древне-іудейскомъ описаніемъ пасхальнаго обряда, мы можемъ начертать событія вечера только съ предположительною наглядностію и лишь въ вѣроятной послѣдовательности. Причина та, что намъ неизвѣстна та степень точности, съ какою начертанный въ Мишиѣ обрядъ пасхальной вечера исполнялся іудеями времени Христа,—притомъ мы должны имѣть въ виду возможность отступленій отъ обряда со стороны Христа въ ту особенную ночь, когда вмѣсто ветхозавѣтно-іудейской пасхи Онъ установилъ пасху Нового Завѣта,—наконецъ евангельскія и апостольскія сообщенія ограничиваются лишь общими чертами, не задаваясь послѣдовательнымъ и подробнымъ изложеніемъ всѣхъ событій вечера.

Для нашей цѣли надо рассмотреть слѣдующія событія и въ такой послѣдовательности: 1) споръ учениковъ и умовеніе ихъ ногъ Христомъ, 2) установленіе Евхаристіи и Нового Завѣта и 3) указаніе Христа на Іуду Искаріота какъ на предателя.

1) *Споръ учениковъ и умовеніе ихъ ногъ Господомъ: Лк 22, 24—27 Ін 13, 1—11.* Въ первый день праздника (семи или восьмидневного) опрѣсноковъ, т. е. въ 14-й день еврейскаго мѣсяца Нисана, когда днемъ надлежало (послѣ полудня) закатать пасху, а вечеромъ (послѣ солнечнаго захода) вкушать,—Господь съ Двѣнадцатью учениками Своими пришелъ въ Іерусалимъ,—въ домъ, гдѣ въ особой комнатѣ ¹⁾ днемъ двое учениковъ (Петръ и Іоаннъ Мк 14, 13 Лк 22, 8) приготовили все нужное для пасхальной вечера (Мѡ 26, 17—19 Мк 14, 12—16 Лк 22, 7—13).

Іудейскій обрядъ весьма точно и подробно опредѣляетъ

¹⁾ ἀνοῦσιον (Мк. 14, 14)—вышка, горница,—уединенная комната— *κατὰ* (Лк. 22, 11) въ верху дома, обычно устроявшаяся для ученія, бесѣдъ, молитвы, и под. По преданію это былъ домъ Заведея (ср. Ін. 16, 27), отца апостоловъ Іоанна и Іакова. Прибывшіе на пасху изъ другихъ мѣстъ въ Іерусалимъ имѣли право пользоваться даровымъ помѣщеніемъ у іерусалимскихъ домовладѣльцевъ въ пасхальную ночь. Іерусалимъ считался градомъ Бога, и въ праздникъ, установленный Богомъ, собственникомъ всѣхъ іерусалимскихъ домовъ былъ самъ Богъ, а не частные владѣльцы. Впрочемъ хозяевамъ оставляли кожу отъ пасхи и хачинѣ и глиняные сосуды, требовавшіеся для приготовленія жертвъ. *Joma* 12 a и *Megilla* 26 a, *Goldsch.* 2, 781 и 3, 643. *Friedlieb, Archäologie der Leidensgeschichte* S. 20 Anm. b. c.

общій порядокъ и всѣ частности какъ обычныхъ вечереи, такъ и въ частности—праздничныхъ (субботней и др.) и въ особенности—пасхальной (въ особомъ трактатѣ Мишны, Тосефты и обоихъ Толмудовъ *о пасхѣ*—*Песахимъ*).

Порядокъ обычнаго пиршественнаго стола такой. Гости входятъ и разсаживаются на скамьяхъ и стульяхъ („каедрахъ“), пока не войдутъ всѣ. Когда вошли всѣ, имъ подаютъ воду для умыванія рукъ, причемъ каждый изъ нихъ обливаетъ одну руку и вытираетъ полотенцемъ. Затѣмъ имъ подаютъ по бокалу разбавленнаго (водою) вина и каждый читаетъ славословіе для себя. Затѣмъ приносятъ закуску („парпереть“), и каждый читаетъ славословіе для себя. Затѣмъ встаютъ и переходятъ для *возлежанія* (на ложахъ или тюфякахъ). Затѣмъ снова разливаютъ по бакалу вина, и они читаютъ еще разъ славословіе. Потомъ опять подается вода и обливаются каждымъ уже обѣ руки.

Потомъ подается блюдо, опять требующее славословія, но оно читается уже однимъ за всѣхъ. Гость, пришедшій послѣ третьяго блюда, не имѣетъ права войти ¹⁾).

¹⁾ Тосефта Берах. 4, 8 къ Мишна Берах. VI, 6 Переферковичъ 1, 21. Иерусал. Гемара нѣсколько иначе: По р. Хайя это (Мишна VI, 6) относится къ обычному пиру. Порядокъ пира такой: гости входятъ и *сидятся* на скамьи и стулья,—подаютъ вино, причемъ каждый говоритъ благословеніе. Когда подаютъ воду, каждый моетъ одну руку (правую, которой держать бокаль), причемъ каждый говоритъ благословеніе. Потомъ помѣщаются на софы (ложи), на коихъ возлегаютъ,—и далѣе, какъ въ Тосефтѣ. Shwab, 1, 121. Вавил. Гемара согласно Тосефтѣ: гости входятъ и сядутъ на скамьи и стулья,—подается вода, каждый моетъ одну руку, подается вино, каждый говоритъ славословіе, потомъ всѣ встаютъ и возлегаютъ, опять подается вода и пр... Babyl. Berakh. 43 а нач. Goldschmidt, 1. 155—156. О вытираніи рукъ Мишна Берах. VIII, 3 Переф. 1, 29 Отъ первой, какъ и отъ слѣдующихъ трехъ чашъ пасхальной вечери никто (ни женщины, ни дѣти) не должны отказываться: ёмкость чаши—не менѣе четверти лога (логъ=6 яйцамъ сред. вел. или ок. 11 пар. куб. дюймамъ), причемъ вино можетъ быть старое или молодое, чистое или разбавленное (послѣднее обычно): разбавленіе не должно идти далѣе утраты вкуса и запаха и цвѣта (краснаго) вина, а также ея увеселительнаго дѣйствія (или $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ воды). Мишна, Песах- X. 1—2,—Тосефта Переф. ibid 254—255,—Вав. Гем. 108 б—109. а. Gold. 2, 701—702 и Иер. Гем. X. 1 Schwab 5, 149. Въ Иер. Schabb XI. а у Lightf. къ Матѣ. 26, 27 р. Хайя говоритъ: четыре стакана содержатъ итальянскую квартаву вина.—по другому опредѣленію: ширина—квадратура двухъ пальцевъ и глубиною въ $1\frac{3}{4}$ пальца. По др. $2\frac{1}{2}$ и $2\frac{3}{5}$ пальца (ср. Маймон. къ Шабб. 8, 1 Surenh 2 32. Ср. Babyl. Pesach.

Умовеніе рукъ и питье вина изъ бокала совершаются также въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Если пиршествующихъ не болѣе пяти человѣкъ, то омовеніе рукъ начинаютъ со старшаго. Если же болѣе пяти, то начинаютъ съ младшаго, пока не останется пять человѣкъ, и затѣмъ уже начинаютъ со старшаго. Вино среди вечера начинаютъ разливать со старшаго, а послѣ вечера—съ того, кто прочтетъ (застольную) молитву, но хозяинъ имѣетъ право выразить особое почтеніе своему учителю или лицу высокопоставленному наливая сначала ему ¹⁾. Наконецъ омовеніе предъ ѣдой считается не обязательнымъ, а послѣ ѣды обязательнымъ, причемъ предобѣденное омовеніе прерывать позволяется, а послѣобѣденное запрещается ²⁾.

Умовенія ногъ предъ праздничными вечерами не предписывается специально, такъ какъ предполагается общее омовеніе (очищеніе) предъ праздниками. Однакожъ этотъ обычай былъ очень распространенъ, особенно послѣ путешествія въ сандаляхъ по пыльнымъ дорогамъ и улицамъ ³⁾. Совершилось оно предъ началомъ вечера ⁴⁾ и составляло одну изъ специфическихъ службъ раба ⁵⁾. Чаща, если была одна, выпивалась каждымъ безъ остатка ⁶⁾, но обычно каж-

90. а у Goldsch. 703—703. Красное вино и разбавл. Iер. Песах. ср. Jer. Ber. VII, 5 Schw. 1, 136 и Миш. VII. 5 Пер. 1, 28 Чаши—стеклянные, хрустальные, металлическія др. Форма чаши на монетахъ того времени: низкая, на широкой подставѣ, съ тонкой ножкой и широкою (равною подставѣ) чашкою (верхомъ, гдѣ помѣщается вино), похожа на наши десертныя или компотовыя вазочки. (См. у Переф. 2, 299—300, №№ 1, 2 и 5). Наименьшее количество вина, которое каждый долженъ выпивать заразъ—половина яйца. Keim. III, 259. Anm. 1—3.

¹⁾ Тосефта къ Берах. V, 5 Переф. VI, 6,—1, 22,—ср. Babyl. Berakh. 43 а сред. Gold. 156 сред. ibid. 46. b къ кон. Goldsch. 167—168: „предобѣденное умовеніе начинается со старѣйшаго, а послѣобѣденное, если участвовали пятеро (не болѣе)—со старѣйшаго, а если (до) сто—съ младшаго, пока не дойдетъ до пятого, и тогда опять начинается со старшаго, который и читаетъ застольную молитву“. Питье изъ одной чаши воспрещается въ Тосефтѣ Берах. 5. 8 у Переф. 1, 23: „нельзя, откусивъ отъ ломтя, снова положить его въ тарелку, въ избѣжаніе опасности для жизни; нельзя, отпивши изъ чаши, передать ее другому, дабы не вызвать брезгливости“.

²⁾ Тосефта Берах. 5, 13 ibid. VI, 6 стр. 23.

³⁾ Быт. 18, 4 Лк 7, 44.

⁴⁾ Лк II, 38 *οὐ πρῶτον ἐβαπτίσθη πρὸ τοῦ ἀρίστου*.

⁵⁾ 1 Сам. (Цар) 25, 41 ср. Мѳ 3, 11 и парал. Мк 1, 7 Лк 3, 16 Ин. 1, 27.

⁶⁾ Тосефта Берах. 5, 8 Переф. ib. стр. 25 къ VI; 6.

дому подавалась особая чаша, по взятіи коей каждымъ говорится *славословіе надъ виномъ*: „Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной, создающій плодъ лозы виноградной“. Послѣ этого говорится славословіе (киддушъ⁴⁾) праздника: „Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной, избравшій насъ изъ всѣхъ народовъ и возвысившій насъ надъ всѣми языками..... Ты далъ намъ съ любовію празднества на веселье, праздники на ликованія и сей день праздника опрѣсноковъ, время нашего освобожденія, священное собранье, въ память исхода изъ Египта и пр. ¹⁾).

Послѣ этого всѣ собравшіеся для пасхальной вечери должны были, въ строгомъ порядкѣ, *возлечь* на ложа или мягкіе диваны ²⁾).

Иудейскій обрядъ строго требуетъ именно *возлежанія* за пасхальною вечерею во время вкушенія опрѣсноковъ и пасхи, какъ символа свободы cadaго еврея, даже самого бѣднѣйшаго или нищаго ³⁾), строго различая не только отъ *стоянія*,

¹⁾ У Переф. *ibid.* 259—260. По ученію школы Гиллела славословіе надъ виномъ чтается ранѣе славословія праздника, а по ученію школы Шаммая—наоборотъ. (Мишна, Песахимъ X, 2 Переф. 2, 254). Точно также по школѣ Шаммая сначала умываютъ руки, а затѣмъ разливаютъ вино, а по школѣ Гиллела сначала разливаютъ вино и затѣмъ умываютъ руки (Мишна, Берахотъ VIII, 1—2 Переф. 1, 28—29). Ср. *Babyl. Pesach.* 114. а у *Gold.* 2, 721.

²⁾ Тосефта къ Берах. 4, 8 и Іерусал. Гем. VI. 6 въ примѣч. 1 на стр. 36 Въ Исх. 12, 3—4 предписывается съѣдать по одному агнцу на семейство,—а если семейство мало для того, чтобы съѣсть всего агнца безъ остатка, то оно должно было соединяться съ „другимъ, ближайшимъ къ дому, по числу душъ“. У Іосифа Флавія опредѣляется это количество ядущихъ агнца не менѣе десяти и не болѣе двадцати человѣкъ: *Bell.* VI. 9. 3 ср. Мишна Мегилла IV, 3 Переф. 2, 492 ст. *Berakh.* VII, 4 Пер. 1, 28 *Ier. Ber. Schwab* 1, 133 и Таргумъ Псевдо-Іонаана къ Исх. 12. 4.

³⁾ Мишна, Песахимъ X, 1 Переф. 2, 254: „даже бѣднѣйшій въ Израилѣ не долженъ ѣсть не возлежа“ (*Surenh.* 2, 172), т. е. во время вкушенія пасхи. Іерусал. гем. *Schwab.* 3, 148 и *Ugolino, Thesaurus* XVII, 913: по словамъ р. Леви: обычай рабовъ — ѣсть стоя, а теперь на праздникъ пасхи ѣдятъ возлежа въ знакъ выхода изъ рабства въ свободу. Вавил. гем. 108 а, *Coldsch.* 2, 700: опрѣсноки повелѣвается вкушать возлежа (въ воспоминаніе освобожденія изъ рабства), горькія травы не повелѣвается (въ воспоминаніе рабства), а о винѣ отъ имени р. Нахмава говорится, что требуется возлежаніе, и отъ имени тогоже р. Нахмава, что не требуется возлежаніе,—и однако тутъ нѣтъ противорѣчія, ибо то говорится о двухъ первыхъ чашахъ (когда за вечерею рассказывается и

какъ символа рабства, но и отъ *сидѣнія* за столомъ — סֵדֶרֶת отъ סֵדֶרֶת , какъ символъ взаимообщенія и единенія трапезующихъ отъ символа разъединенности и единоличности каждаго сидящаго за столомъ ¹⁾. Возлежавшіе должны были располагаться за столомъ такъ, чтобы образовывать именно *кругъ*, какъ показываетъ самый терминъ еврейскій (отъ סָבַב окружать). Прежде всѣхъ главенствующій (отецъ, учитель пр.) возлегалъ *посрединѣ*, второй послѣ него (по возрасту или положенію)—*выше него*, т. е. направо отъ него, точнѣе за нимъ, за его головою или спиною,—*третій*—*ниже его*, т. е. налѣво или предъ нимъ, причемъ голова его приходилась къ лону или груди главенствовавшаго и т. д. ²⁾.

Возлежаніемъ считается только такое положеніе, при коемъ трапезовавшій лицомъ къ столу ложился на ложе лѣвымъ бокомъ, опираясь на лѣвую руку, а правую оставляя свободною для принятія пищи,—причемъ съ низкаго лежа (софы, мягкого низенькаго диванчика, матрасика, тюфячка) ноги спускались на покрытый ковромъ (ср. устланную и убранную комнату Мк. 14, 14 Лк. 12, 11) полъ. Въ такомъ положеніи главенствовавшій (возлежавшій спиною ко второму и лицомъ къ третьему) равно и третій не могли говорить со вторымъ, но для этого надо было вставать и обращаться ли-

вспоминается о рабствѣ египетскомъ) а это—о двухъ послѣднихъ (когда вспоминается и рассказывается объ освобожденіи евреевъ отъ египетскаго рабства). Lightf. къ Мѣ. 26, 20.

¹⁾ Берахотъ VI, 6 Переф. 1, 21: если нѣсколько человѣкъ *сидятся* вѣтъ, то каждый читаетъ славословіе для себя, но если *возлежатъ*, то одинъ читаетъ за всѣхъ (т. е. возлежаніе предполагаетъ взаимоединеніе и общеніе трапезующихъ).

²⁾ Тосефта къ Берахотъ 5, 6 (Переф. 1, 22 къ 6, 6): „въ какомъ порядкѣ возлегаютъ?—Если два лежа (дивана, софы), то старшій помѣщается во главѣ перваго лежа, а слѣдующій по рангу ниже его (т. е. на правой сторонѣ),—если же три лежа, то старшій помѣщается во главѣ средняго лежа, второй по рангу—выше его (т. е. за нимъ, на лѣвой сторонѣ, если сидѣть, стоять или лежать на груди,—и на правой, если лежать навзничъ, какъ кладутъ мертвыхъ, на спинѣ), третій—ниже (т. е. предъ нимъ, на правой или лѣвой сторонѣ), и такимъ образомъ размѣщаются всѣ“. Тоже въ Таанитъ jerus. IV, 2 Schwab VI, 180 съ прибавленіемъ р. Самуила бенъ-Исаака, что „патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ погребены въ такомъ именно порядкѣ, въ какомъ размѣщаются за столомъ“. (Авраамъ посрединѣ, Исаакъ направо, Іаковъ на лѣво). Ср. Babyl. Berakhoth 46. b Goldsch. 167 конецъ цитата въ слѣд. прим.

пами къ нему. Напротивъ съ третьимъ какъ главенствовавший такъ и второй могли говорить свободно, не мѣняя положенія, т. е. возлежа на лѣвомъ боку и опираясь на лѣвую руку. Въ первомъ случаѣ персы (т. е. персидскіе и вавилонскіе іудеи) имѣли обыкновеніе объясняться знаками, т. е. глазами, головою, руками и пальцами, не нарушая трапезы вставаніемъ и сидѣніемъ ¹⁾.

Эту часть вечера можно назвать какъ бы предварительною, общею, предпразднествомъ. „Праздникъ пасхи—*хаг га-песах*—*הַחֹדֶשׁ הַזֶּה לַיְּהוּדִים*“ состоялъ собственно во вкушеніи горькихъ травъ, опрѣсноковъ и пасхальной жертвы (агнца), въ соединеніи съ приправою (харосет) и тремя чашами вина.

¹⁾ Глосса къ Берах. VI, 6 у Light. къ Мѣ. 26, 20: возлежащіе наклонялись на лѣвый бокъ на ложахъ и въ такомъ положеніи ѣли и пили. Другая глосса *ibid*: ѣдятъ обыкновенно возлежа на лѣвомъ боку съ ногами положенными на полъ, каждый на одномъ ложѣ. Вавил. Берах. 46 б Gold. 1, 167: глава (патріархъ іудеевъ) разсѣянія сказалъ р. Шешету: хотя вы старшіе раввины (т. е. основывается на древне-раввинскомъ преданіи), но въ обычаяхъ совершенія вечереи персы (т. е. вавилонско-персидскіе раввины) опытнѣе васъ. Если есть два ложа (т. е. трапезуютъ двое), то возлегаютъ *сначала* старшій, а другой—выше его (по правую руку). Когда есть три ложа (трапезуютъ трое), то старшій возлегаетъ посрединѣ, второй—выше его, а третій—ниже его. Онъ (р. Шешетъ) спросилъ его (главу іудеевъ разсѣянія): а если онъ (старшій) захочетъ говорить съ нимъ (со вторымъ, возлежащимъ выше, сзади), то онъ долженъ выпрямиться сначала и сѣсть и тогда уже говорить? Тотъ (глава іуд. разсѣянія) отвѣтилъ: иначе поступаютъ персы, они объясняются *посредствомъ знаковъ* (ср. потомъ чрезъ нѣсколько строкъ, въ концѣ страницы повтореніе о размѣщеніи возлежащихъ за столомъ). Песах. 108 а Goldsch. 2, 700 къ концу: „лежаніе на спинѣ не есть возлежаніе, также возлежаніе на правомъ боку не есть возлежаніе, притомъ это и опасно, такъ какъ пища можетъ попасть вмѣсто пищевода въ дыхательное горло“. Также глосса къ Вавил. Берах. 64. б у Light. *ib*: „когда трапезуютъ двое, достойнѣйшій возлегаетъ первымъ на своемъ ложѣ и второй отъ него возлегаетъ выше его, то-есть на ложѣ, поставленномъ у изголовья (сзади) старшаго. Если трое трапезуютъ, старѣйшій возлегаетъ по срединѣ, второй отъ него—выше его, а третій—ниже его, то-есть у подстилки ногъ его. Если старѣйшій пожелаетъ бесѣдовать со вторымъ послѣ него, то ему необходимо подняться съ возлежанія своего и сѣсть прямо. Это потому, что когда онъ возлежитъ, онъ не можетъ говорить съ нимъ, такъ какъ второй находится за затылкомъ перваго и лицо перваго обращено къ другому (т. е. къ третьему), для бесѣды съ первымъ второму удобнѣе помѣститься ниже его, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ можетъ слышать слова его и въ состояніи возлежанія.

Благодаря этимъ даннымъ мы имѣемъ возможность съ полною вѣроятностью опредѣлить мѣсто умовенія ногъ на тайной вечерѣ и возстановить событіе со всею наглядностію.

Таинственность вечера и евангельскія сообщенія не позволяютъ предполагать, чтобы при ней присутствовали какія либо другія лица (слуги), кромѣ Иисуса и двѣнадцати апостоловъ. Поэтому надо думать, что Петръ и Іоаннъ днемъ приготовили все нужное для вечера.

Большая (*μέγα*) комната на верху дома (*ἀνώγειον*) была убрана (*ἑτοίμον*) по праздничному: устлана коврами (*ἐστρωμένον*), уставлена сидѣньями по стѣнамъ („каеэдры), посрединѣ ея находился четырехугольный низкій столъ, покрытый скатертью и уставленный яствами пасхальной вечера (горькія травы, опрѣсноки, агнецъ, приправа) и свѣтильниками, на высокихъ столахъ у стѣнъ стояли сосуды съ виномъ и чаши, въ комнатахъ находились кромѣ того сосуды съ водою, умывальница и полотенце.

Къ вечеру, т. е. въ шестомъ часу по нашему часосчисленію, до захода солнечнаго, къ ушедшимъ еще днемъ Петру и Іоанну въ комнату пришли Господь и прочіе десять апостоловъ—изъ Вифаніи ¹⁾.

По указанію древне-іудейскаго обрядника, приходившіе чинно размѣщались на сѣдалищахъ вдоль стѣнъ комнаты и ожидали начала пасхи.

Потомъ, по указанію Господа, всѣ должны были встать съ сѣдалищъ, умыть и вытереть руки, принять по чашѣ вина и выпить съ краткимъ славословіемъ. Послѣ этого надо было озаботиться размѣщеніемъ всѣхъ на ложахъ для возлежанія за пасхальною вечерею вокругъ стола—въ порядкѣ строгой постепенности старшинства или достоинства.

Но тутъ, по извѣстію Луки, „произошелъ (2) споръ у нихъ о

¹⁾ По Числ. 9, 2—3 пасхальная вечеря совершалась вечеромъ, т. е. по заходѣ солнца. Тосефта Песах. 1, 34: когда стемнѣетъ должно ѣсть латукъ (горькія травы), опрѣсноки и пасху. Переф. къ Мишиѣ II, 206,—т. 2. стр. 205. По Мишиѣ Песахимъ 1. 4—5 Переф. 2, 196 остатки всего кваснаго сожигаютъ въ началѣ шестаго часа,—такъ какъ праздникъ опрѣсноковъ начинается съ шести часовъ.

²⁾ *ἐγένετο δὲ καὶ φιλονεικία ἐν αὐτοῖς*—этотъ образъ выраженія („произошелъ также и споръ у нихъ“) даетъ видѣть, что это, извѣстное еванге-

томъ, кто изъ нихъ долженъ считаться большимъ“ (Лк. 22, 25).
Вполнѣ естественно предполагать, что Господь уже ранѣе давалъ ученикамъ предуказанія на важность предстоящей вечера пасхальной въ дѣлѣ устройства Имъ новаго царства Христова. Если уже и прежде мысль о первенствѣ въ царствѣ Христовомъ занимала апостоловъ, то тѣмъ болѣе теперь, на этой таинственной вечерѣ новаго царства, при распредѣленіи мѣстъ возлежанія вокругъ Главы этого царства, вопросъ долженъ былъ встать во всей своей силѣ и рѣзкости. Дѣло дошло до припирательствъ и спора (*φιλονεικία*), если не до негодованія, какъ прежде, по поводу того же вопроса.

Дѣло въ томъ, что тронхъ изъ апостоловъ—Петра и братьевъ Заведеевыхъ Іакова и Іоанна выдѣлялъ Самъ Господь въ качествѣ Своихъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ свидѣтелей при наиболѣе важныхъ и таинственныхъ событіяхъ Его жизни (при воскрешеніи дочери Іаира Мк. 5, 36. Лк. 8, 51,—преображеніи Мѡ. 17, 1 Мк. 9, 2 Лк. 9, 28 и геосиманской молитвѣ Мѡ. 26, 37 и Мк. 14, 33). Но если первенство Петра было какъ бы общепризнаннымъ и онъ повсюду въ евангеліяхъ является представителемъ всѣхъ Двѣнадцати (ср. Ін. 6, 68,—21, 15 сл. Мѡ. 10, 2 *πρῶτος*,—14, 2. 28,—15, 15,—16, 18. 23,—17, 24 др.), то преимущество братьевъ Заведеевыхъ не для всѣхъ было пріятно, какъ это надо заключать изъ того, что обращенная ко Христу просьба—нихъ ли самихъ, или же ихъ матери—о первыхъ для нихъ мѣстахъ въ царствѣ Христовомъ вызвала *негодованіе* (*ἰργαζήσθαι*) среди другихъ учениковъ (Мѡ. 20, 24. Мк. 10, 41) ¹⁾. Соревнованіе въ предвозлежаніяхъ на вечерахъ было очень распространено и въ духѣ времени и народа (*πρῶτος κλίσαι* Лк. 14, 7—8) особенно среди раввиновъ—фарисеевъ (Мѡ. 23, 6 Мк. 12, 39 Лк. 20, 46). Совершенно естественнымъ поэтому является „споръ учениковъ о томъ, кто изъ нихъ долженъ считаться боль-

листу, но не имѣющееся у его предшественниковъ (текстахъ первоматая и первомарка), событіе онъ излагаетъ не въ хронологической последовательности, какъ обычно, а въ видѣ прибавленія къ извѣстному ему разсказу о тайной вечерѣ, въ прямой связи этого событія съ другими событіями вечера и безъ точной хронологической последовательности.

¹⁾ Ср. для значенія термина Мѡ 21, 15,—26, 8 Мк 10, 14,—14, 4 Лк 13, 14 и сказанное въ VI отдѣлѣ.

шимъ“ и кому какое занимать мѣсто на ложѣ вокругъ пасхальнаго стола, особенно въ виду праздничной торжественности вечера, вышеприведенныхъ предписаній о порядкѣ возлежанія за пасхальною вечерею и предуказаннаго ли Христомъ или же предчувствовавашагося апостолами таинственного значенія этой именно вечера.

По сообщенію ев. Луки Господь отвѣтилъ на этотъ споръ учениковъ Своихъ наставленіемъ о смиреніи и самоотверженіи для Его послѣдователей и учениковъ. Послѣднія слова наставленія: „*Я же среди васъ какъ служащій*“ указуютъ на обнаруженіе служенія Господа за вечерею *въ дѣйствиіи*. Помѣщеніе этихъ словъ уже послѣ разсказа о вечера и „возлежащій“ повидимому относятъ служеніе Господа къ Его дѣйствиамъ за вечерею (преломленіе и раздаваніе хлѣба, а также раздаваніе вина и подаваніе чаши), но только повидимому, ибо все это—дѣйствія главенствующаго на вечера, а не служащаго. Притомъ противоположность между „возлежащій“ и „служащій“ дала бы невозможное представленіе, что ученики возлежали, а Господь служилъ имъ за вечерею стоя. Послѣднее сообщеніе не позволяетъ допускать и толкованіе кадекса D, что служеніе относится ко всей земной жизни Господа, такъ какъ рѣчь идетъ исключительно о служеніи возлежащимъ за вечерею и на этой именно вечерѣ.

Надлежащее объясненіе этому изрѣченію у Луки даетъ описанное Іоанномъ умовеніе Господомъ ногъ Своимъ ученикамъ.

Согласно требованію обряда Господь, какъ глава и учитель, долженъ быть возлечь на уготованное Ему посрединѣ стола ложе. Ап. Петру, какъ безспорно „первому“ (*πρῶτος* Мѡ. 10, 2) изъ учениковъ и ихъ представителю, подобало занять первое мѣсто, позади Господа, выше Его. Но далѣе среди возсѣдавшихъ апостоловъ начался споръ о томъ, кто изъ нихъ долженъ считаться большимъ, кому занимать второе, третье и другія девять мѣстъ за пасхальнымъ столомъ на ложахъ.

Этотъ, уже не впервые возгорѣвшійся теперь такъ несвоевременно и такъ несоотвѣтственно требовавшемуся отъ учениковъ настроенію, споръ вызываетъ Господа на ученіе не только словомъ, но и дѣломъ. „Возлежащій“ уже (*ὁ ἀνακείμενος* или „долженствующій уже возлежать“, какъ Глава

общества, Господь встаетъ съ своего ложа (если Онъ уже возлежъ) или сѣдалища (если еще не возлежъ) и является „какъ служащій“ (*ὡς διακονῶν*) среди учениковъ, исполняя въ умовеніи ихъ ногъ обязанность слуги.

Мы знаемъ уже, что умовеніе ногъ предъ пасхальною вечерею хотя и не предписывалось обрядомъ, но особыми ревнителями чистоты (фарисеями) требовалось предъ всякимъ пиромъ какъ нѣчто обязательное (Лук 11, 38) и вообще было довольно обычно на востокѣ и у евреевъ (Лук. 7, 44). Правда, по Лк 11, 38 Господь Самъ не исполнялъ этого фарисейскаго предписанія, но это потому конечно, что фарисеи, не всегда различая внѣшнее отъ внутренняго, придавали этому внѣшнему дѣйствію какое-то внутренне освящающее, нравственное значеніе. Напротивъ изъ Лк. 7, 44 видимъ, что къ омовенію ногъ предъ вечерею, особенно послѣ путешествія, Господь относился,—если и не прямо, то косвенно,—съ нѣкоторымъ одобреніемъ.

Двое учениковъ (Петръ и Іоаннъ) для пасхальной жертвы и приготовленія вечера ходили въ деревянныхъ сандаліяхъ, привязанныхъ ремнями къ босымъ ногамъ, по пыльнымъ и засореннымъ скопленіемъ богомольцевъ улицамъ Іерусалима и по храмовому двору, гдѣ было много народа, занимавшагося закланіемъ и приготовленіемъ агнца и хагиги. Прочіе десять учениковъ во главѣ съ Господомъ прошли изъ Виваніи по пыльной дорогѣ и по засореннымъ улицамъ города. Загрязненіе ногъ, при общей чистотѣ послѣ предпраздничнаго омовенія, было вполне естественно. Господь пользуется общимъ обычаемъ, принимаетъ на Себя служеніе раба („образъ раба“ Филип. 2, 7) и для наученія апостоловъ истинамъ Своего царства умываетъ имъ ноги.

„Прежде же праздника пасхи“, повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ, т. е. до того дѣйствія, коимъ начинался собственно пасхальный обрядъ на вечерѣ, до возлежанія или во время спора учениковъ о первенствѣ при выборѣ мѣстъ для возлежанія за праздничнымъ столомъ ¹⁾,—*въдая Іисусъ, что*

¹⁾ *Πρὸ δὲ ἑορτῆς τοῦ πάσχα* то же, что *πρὸ τοῦ ἁγίστου*—предъ пиромъ или обѣдомъ у Лк. 11, 38, или *πρὸ τοῦ διελυγῆαι*, аналогично съ *μετὰ τὸ διελυγῆαι* Лк 22, 20, и 1 Кор. 11, 25 10, 16 о τὸ ποτήριον τῆς εὐλογίας—чашѣ благословенія, третьей изъ четырехъ чашъ пасхальной вечера. Такъ какъ не только эта третья, но и четвертая чаша составляли необходимую при-

пришелъ (др. чт. *приходитъ и насталь*) *Его часъ, чтобы перейти изъ міра сего къ Отцу, возлюбивъ Своихъ, сущихъ въ*

надлежность пасхальной вечера и такъ какъ чаша Новаго Завѣта была несомнѣнно до полного окончанія вечера (до окончанія пѣнія хвалитныхъ псалмовъ и другихъ гимновъ), то *μετὰ τὸ δεῖπνῆσαι* можетъ быть истолковано только въ смыслѣ: „*μετὰ τὸ φαγεῖν τὸ πάσχα*—послѣ яденія пасхи“, т. е. послѣ главнаго и послѣдняго дѣйствія вечера—вкусенія пасхальнаго агнца. Поэтому и о дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ „*вкусенію*—*τὸ φαγεῖν*“ сначала опрѣсноковъ съ горькими травами и соусомъ, потомъ мяса отъ жертвы (гагиги) 14-го Нисана и наконецъ пасхальнаго агнца,—можно было говорить: *πρὸ τοῦ δεῖπνῆσαι* или *πρὸ τοῦ πάσχα* или *πρὸ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα*. Такое толкованіе имѣетъ за себя полную вѣроятность. Правда, въ обычной рѣчи, когда не имѣется въ виду точное употребленіе терминовъ, „праздникъ пасхи“ или только „пасха“ и „праздникъ опрѣсноковъ“ или просто „опрѣсноки“ смѣшиваются, такъ какъ и на пасхальной вечерѣ вкушались опрѣсноки, а самая пасхальная вечера составляла часть недѣльнаго праздника опрѣсноковъ: Мѡ 26, 2 Мк 14, 1—2 Лк. 2, 41.—22, 1 Ин. 2, 23. Но въ собственномъ и строгомъ смыслѣ термины „пасха“ и „праздникъ (торжество, празднество) пасхи“ относятся только къ 14-му дню мѣсяца Нисана, и именно къ *вечеру этого дня*, когда, по заходѣ солнца, закланная днемъ пасха (послѣ полудня) съѣдалась на вечерѣ вся безъ остатка, такъ что собственно „пасха“ („прехождение“, минованіе евреевъ Ангеломъ-истребителемъ первенцевъ египетскихъ въ ночь выхода евреевъ изъ Египта), какъ воспоминаніе ночи избавленія евреевъ отъ египетскаго рабства, уже прекращалась на слѣдующій день и оставался только „праздникъ опрѣсноковъ“, продолжавшійся недѣлю. Такое различіе находимъ въ Лев. 23, 4—6, гдѣ названіе „праздники“ (моадим) „*вотъ праздники Иеговы* (синон. хаггим) обнимаетъ: „въ мѣсяцѣ первомъ (т. е. Нисанѣ), въ четырнадцатый день мѣсяца вечеромъ (буквально: между обоими вечерами, т. е. въ сумерки, по заходѣ солнца и до полной тьмы или начала ночи)—пасха Господу“—это одинъ изъ моадимъ,—а другой: „и (еще праздникъ) въ пятнадцатый день мѣсяца этого—праздникъ опрѣсноковъ (хаг—гаммацот) Господу, семь дней опрѣсноки ѣшьте“. у LXX оба термина переданы греческими *ἑορτή*—ср. тотъ же терминъ *μοῦσ* о субботѣ въ ст. 2. Ср. Числ. 28, 16—17: „и въ мѣсяцѣ первомъ, въ четырнадцатый день мѣсяца, пасха Господу.—и въ пятнадцатый день мѣсяца этого *праздникъ* (хаг), семь дней опрѣсноки должно ѣсть“. Также Числ. 33, 3 пятнадцатый день перваго мѣсяца (Нисана) отличается отъ пасхи, какъ „*день слѣдующій за пасхою* (ѡм миммахарат гапесах)“. Тоже—и въ позднѣйшее время: Евр. 6, 19. 23: „и совершили переселенцы *пасху* четырнадцатаго (числа) перваго мѣсяца—и заклали пасху и совершали *праздникъ* (хаг) *опрѣсноковъ* семь дней въ радости“. Такъ и у Иосифа Флавія Antiq. III, 10, 5 Niese 1, p. 207: *τῷ μηνί, ὃς Νισάν παρ' ἡμῶν καλεῖται, τεσσαρεσκαίδεκάτῃ κατὰ σελήνην... τὴν θυσίαν, ἣν ἐξιώντας ἡμεῖς ἀπ' Ἀιγύπτου θῦσαι προείπον πάσχα λεγομένην, δι' ἑτοὺς ἐκάστον θύειν ἐνόμιμεν, καὶ δι' ἐλεούμεν αὐτὴν κατὰ φαισίαν, μηδενὸς τῶν τεθυμένων εἰς τὴν ἐπιούσαν ἡμέραν*

мирѣ, до конца возлюбилъ ихъ,—и во время бывшей (т. е. происходившей—*γινόμενου*, др. чт. происшедшей *γενομένου*) вечера“, т. е. или во время предварительной части вечера, до возлежанія и начала собственно пасхальнаго обряда, или вообще во время совершенной, бывшей, пришедшей тогда, 14-го Нисана, вечера ¹⁾,—„когда (А: и когда) *διαβολὴ* уже вложилъ въ сердце, чтобы предать Его *Ιουδα Σιμονοῦ Ἰσκαριότης* (др: въ сердце *Ιуды Σιμονοῦ Ἰσκαριότα*, чтобы Его предать), т. е. послѣ уже совершившагося уговора *Ιуды Ἰσκαριότα* съ архіереями о преданіи Господа, что евангелистъ, по обычаю,

μὲν, πέμπτῃ δὲ καὶ δεκάτῃ διαδέχεται τὴν πασχαὴν ἢ τῶν ἁγίων ἑορτῶν ἐπὶ τὰς ἡμέρας οὗσα, καθ' ἣν ἁγίοις τρέφονται (так. обр. праздники опрѣсноковъ, начинающійся съ пятнадцатаго Нисана, отличается отъ пасхи, празднуемой четырнадцатаго нисана)... *τῇ δὲ δευτέρῃ τῶν ἁγίων ἡμέρῃ, ἔκτῃ δ' ἐστὶν καὶ δεκάτῃ, τῶν καρπῶν, οἷς ἐθέρισαν μεταλαμβάνουσι*... (шестнадцатое Нисана называется вторымъ днемъ опрѣсноковъ, а не пасхи). Ср. толкованіе Лев. 23, 5—6 въ Александрійской хроникѣ: *ἐκείνῃ τὴν ἡμέραν (ιδ') μόνην πάσχα οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ προσήγορεον, τὴν δὲ καὶ τὰς μετ' αὐτῆς ἑξ ἡμέρας ἑορτὴν ἁγίων*. Такое же толкованіе опрѣдѣленія *πρὸ ἑορτῆς τοῦ πάσχα* требуется и глаголомъ *ἐγείρεται*, къ коему оно, судя по всему, относится, ибо единичное дѣйствіе, выраженное глаголомъ „*встаетъ*“ можетъ опрѣдѣляться только такимъ временемъ, которое составляетъ единичную часть дня или сутокъ, а не часть года въ семь дней (недѣлю). Не говорятъ: предъ пасхою, или предъ Рождествомъ, или предъ масляницею ударили въ набатъ, случился пожаръ, я сѣлъ и сталъ писать и пр. под. Въ такихъ случаяхъ при терминахъ „пасха, рождество, масляница“ должно стоять или подразумѣваться точнѣйшее опрѣдѣленіе времени именно *дня*, съ коего начинаются эти недѣльные части *года*. Тоже и въ географическихъ опрѣдѣленіяхъ. Въ выраженіяхъ: „предъ Московской губерніей стоитъ столбъ“ или „предъ Россіей растутъ тополи“ представляются не Московская губернія и Россія какъ цѣлыя пространства, а именно тѣ опрѣдѣленные и единичныя границы, коими онѣ отдѣляются—отъ другой губерніи или другой страны.

¹⁾ Что здѣсь *γινόμενου* и *γενομένου* не можетъ имѣть такого различія, чтобы первымъ указывалось на дѣйствіе *во время вечера* („когда совершалась, происходила вечеря“), а во второмъ—*послѣ вечера* (по совершеніи вечера, когда вечеря уже совершилась—*μετὰ τὸ δεῖπνῆσαι*), а имѣть значеніе общаго указанія на время, когда совершилось умовеніе (вечеромъ, когда была, т. е. совершалась или совершилась вечеря,—иначе: четырнадцатаго Нисана, въ день пасхальной вечера, до начала самаго пасхальнаго обряда на вечерѣ), это видно изъ безразличнаго употребленія аористовъ, перфектовъ и презентовъ въ текстѣ и вариантахъ даннаго отдѣла 13, 1—5: варианты кромѣ *γινόμενου* и *γενομένου*, *ἦλθεν* и *ἐλήλυθεν*, *βάλλει* и *ἔβαλεν*, и въ текстѣ: *ἐγείρεται*, *τίθεισιν*, *διέζωσεν*, *βάλλει* (вар. *ἔβαλεν*) *ῥοζαιο*.

опускаетъ, какъ уже извѣстное изъ синоптическихъ евангелій,—*„въдая (др. приб. Иисусъ), что все далъ Ему Отецъ въ руки и что отъ Бога изшелъ и къ Богу уходитъ¹⁾„—встаетъ съ вечера, т. е. или съ сѣдалища, если это было до возлежанія,—или съ ложа, если это было послѣ того, какъ Господь возлегъ, а ученики еще спорили о мѣстахъ²⁾„—и кладетъ одежды, т. е. снимаетъ верхнюю одежду или плащ и остается для удобства дѣйствія въ нижнемъ одѣяніи, длинномъ хитонѣ,—и взявъ полотенце, находившееся въ комнатѣ для вытиранія рукъ послѣ неоднократнаго ихъ омовенія за вечерю,—препоясалъ Себя,—потомъ вливаетъ (др. влилъ) воду въ умывальникъ, вѣроятно глиняный сосудъ для воды, требовавшейся для умовенія рукъ,—и началъ умывать ноги учениковъ и вытирать полотенцемъ, коимъ былъ препоясанъ³⁾.*

1) Слова, стоящія между *πρὸ δὲ ἑορτῆς τοῦ πάσχα* и *ἐγείρεται* представляютъ въ грамматически запутанной конструкціи длинный парентезъ (вводную часть, мысли въ скобкахъ). Психологически онъ объясняется такъ: послѣ словъ „прежде же праздника или предъ праздникомъ пасхи“ евангелистъ имѣлъ въ виду написать „встаетъ (Иисусъ) съ вечера и пр.“, но придаточныя и вводныя мысли, постепенно накопляясь, увлекаютъ писателя въ сторону отъ главнаго предмета и образуютъ такую длинную и запутанную лѣстницу, что въ ея переходахъ какъ бы помрачуются и исчезаютъ изъ виду тѣ, выражаемыя глаголомъ „встаетъ съ вечера, полагаетъ одежды и пр.“ главныя дѣйствія, къ коимъ мысленно относится опредѣленіе „предъ праздникомъ пасхи“. Подобную же конструкцію ср. Ин. 1, 9—13. 14. 15.—1 Ин. 1, 1—3. Она объясняется особенностями стilia писателя, пишущаго безъ помарокъ,—при трудности для семита овладѣть сложнымъ строеніемъ греческой періодической рѣчи.

2) Совершать омовеніе ногъ было удобнѣе, если ученики сидѣли на скамьяхъ или стульяхъ, чѣмъ возлежали на ложахъ съ протянутыми по полу на коврѣ ногами.

3) О водѣ и полотенцѣ ср. Berakh. Bab. 52. b Gold. 186 кон. Сосуды съ водою для умовенія рукъ дѣлались изъ всякаго матеріала, но обычно—изъ глины, см. Мишна Іадаимъ. I. 2. Переф. 6, 619 и вообще весь трактатъ о рукахъ. Тазъ для умовенія ногъ упоминается въ томъ же трактатѣ Мишны IV. 1—627. Умовеніе ногъ совершалось низшими высшимъ: женою—мужу, сыномъ—отцу, рабомъ—господину,—и такъ какъ учитель чтился на равнѣ съ отцомъ и даже (по Пирке—авот) выше отца, то ученикъ долженъ умывать ноги учителя, а не наоборотъ (Тосефта Киддушинъ 1, 11 къ Мишнѣ 1, 7 у Переф. 3, 402; см. еще ссылку на Маймониду, и Babyl. Kidd. 22. b у Lightf. къ Ин. 13, 5). Ср. Schemoth rabba Par. XX къ Исх. 13, 17, къ словамъ: „Богъ не повелѣлъ ихъ по дорогѣ земли Филистимской“, т. е. Богъ не обращался съ ними обыкновеннымъ образомъ. Какимъ же? Кто себѣ покупаетъ рабовъ, покупаетъ подлѣ тѣмъ условіемъ,

И приходитъ къ Симону Петру ¹⁾, и (др. оп.) онъ (др. оп.) говоритъ Ему: „Господи! Ты (ли) мои умываешь ноги!“ Отвѣчалъ Иисусъ и сказалъ ему: „что Я дѣлаю, ты не въдаешь теперь, узнаешь же послѣ сего“. Говоритъ Ему Петръ: „не умоешь моихъ ногъ (др: ногъ моихъ) вѣкъ“. Отвѣчалъ Иисусъ ему: „если не умою тебя, не (воз)имѣешь части со Мною“. Говоритъ Ему Симонъ Петръ: „Господи! не ноги мои (нѣк. оп. мои) только, но и руки (нѣк. приб. мои) и главу (нѣк. приб. мою и еще нѣк. лат: и все тѣло). Говоритъ ему Иисусъ: „омывшійся имѣетъ нужду (Ор. Терт. Іер. и нѣк лат ркп. приб: опять) только ноги умытъ (др. чт: умыться безъ ноги) ²⁾, но

чтобы они его мыли, намащали, одѣвали, носили, свѣтили предъ нимъ (освѣщали дорогу факелами). Но Богъ Самъ омывалъ ихъ Іезек. 16, 9. намащалъ, одѣвалъ Іезек. 16, 9. 10 носилъ ихъ и свѣтилъ предъ ними Исх. 19, 4. Тоже Раг. XXV къ Исх. 16, 4: у людей ученикъ идетъ предъ учителемъ съ факеломъ, а Богъ Самъ предъидетъ имъ Исх 13, 21; у людей рабъ омываетъ своего господина, у Бога не такъ, ибо Онъ говоритъ: я омывалъ тебя водою Іезек. 16, 9; у людей слуга одѣваетъ своего господина, а Богъ не такъ ib. Ст. 10; у людей рабъ надѣваетъ сапоги, а Богъ Самъ дѣлаетъ это ипр. См. Wünsche, Schem. R. S. 159 и 192.

¹⁾ Частича *οὐν—отъ, такъ, итакъ, и*—не даетъ возможности опредѣлить, съ Петра ли началъ Господь омовеніе, или же подошелъ къ Петру послѣ омытія у нѣкоторыхъ учениковъ. Если ученики сидѣли, то порядкомъ въ этомъ сидѣніи не наблюдался и Петръ могъ сидѣть по срединѣ другихъ. Если же Господь умывалъ ноги уже *возлежавшимъ* ученикамъ въ порядкѣ первенства, то Петръ долженъ былъ оказаться или первымъ, при началѣ умыванія съ лѣва на право, или же послѣднимъ, при умываніи съ лѣва (съ Іоанна, возлежавшаго на персяхъ). Рѣчь Ап. Петра повидимому предполагаетъ первое, такъ какъ рѣшительный и единичный отказъ Апостола, послѣ омовенія уже одиннадцати ученикамъ, былъ бы запоздалымъ возраженіемъ, притомъ мало согласовавшимся съ покорностію прочихъ одиннадцати. Напротивъ, естественное начало съ Петра, какъ первѣйшаго изъ двѣнадцати, дѣлаетъ вполне понятными его недоумѣніе и рѣшительный отказъ. Изъ древнихъ, одни думаютъ, что Господь началъ съ Петра: (Ноннъ, Августинъ), другіе, что Петръ не былъ первымъ: Оригенъ, Ефремъ, Златоустъ.

²⁾ *ὁ λελουμένος—νίψασθαι*: первое указываетъ на мытье всего тѣла въ банѣ или ваннѣ или под. какъ *βαπτίζεσθαι*—на купанье въ водѣ и погруженіе въ воду (отсюда: *λουτρον*—баня, *βαπτιστήριον*—купель), а *νίψασθαι*—на мытье лица, головы, рукъ и ногъ, вообще отдѣльныхъ членовъ тѣла (откуда *πλῆρ—*умывальникъ). Этимъ различіемъ въ значеніи глаголовъ объясняется отсутствіе *τοῖς πόδας* во мн. ркп). Буквально: *омывавшійся не имѣетъ нужды* (въ другомъ омовеніи) *какъ (развѣ) только въ омовеніи (ногъ), но (ибо) онъ — чистъ весь*. Потребность въ омовеніи

(др. *ибо*) *онъ чистъ весь*, т. е. всецѣло—*ὅλος*, по всему своему тѣлу (и душѣ), во всѣхъ частяхъ, въ цѣломъ своемъ составѣ ¹⁾,—и *вы чисты, но не все* (*πάντες*, т. е. всѣ присутствующіе ученики). *Ибо вѣдалъ* (нѣк. приб: *Иисусъ*) *предаящаго Его, посему сказалъ*: (др. приб. *что*) *не все чисты вы* („посему сказалъ, что не всѣ чисты вы“: этихъ словъ нѣтъ въ D и Сир. іер., а сир.: посему сказалъ слово это, кур не сохранилъ текста).

Термины: „*весь*—*ὅλος*“ и „*всѣ*—*πάντες*“, различающіеся въ греческомъ языкѣ ²⁾, въ арамейскомъ палестинскомъ говорѣ временъ Христа выражались однимъ терминомъ: *кол*, употребленнымъ въ сирскихъ текстахъ евангелія ³⁾, какъ не различаются термины и въ русско-славянскомъ: *весь* и *все*. Поэтому слова Господа: „и вы чисты, но не все“ могли быть понятны въ троякомъ смыслѣ: а) чисты не во всѣмъ тѣлѣ, но ноги имѣютъ нужду въ омовеніи, послѣ ходьбы по пыльной дорогѣ и засореннымъ улицамъ,—б) не у всѣхъ двѣнадцати учениковъ ноги требуютъ омовенія, такъ какъ нѣкоторые (Петръ и Іоаннъ), по приготовленіи всего нужнаго для пасхи, могли пребывать въ комнатѣ съ чистыми ногами и дожидаться прихода Господа съ остальными учениками (но омовеніе ногъ у Петра не соотвѣтствуетъ этому),—в) не всѣ чисты не только по ногамъ, но и нравственно, ибо среди одиннадцати чистыхъ бывъ одинъ нечистый ученикъ-измѣнникъ. Какъ поняли изреченіе Господа прочіе ученики, намъ неизвѣстно, но самъ евангелистъ прозрѣлъ здѣсь, какъ и нерѣдко

только ногъ объясняется ихъ загрязненіемъ отъ ходьбы босыми ногами въ сандаляхъ по пыльной дорогѣ отъ Виваніи до Іерусалима, по засореннымъ улицамъ города (улица на востокъ представляла мѣсто отброса сора изъ домовъ и дворовъ, почему дома строились черною стороною на улицу, а чистою—на внутренній дворъ) и дворамъ храма. А неоднократное омовеніе рукъ во время вечера требовалось обрядомъ, свое основаніе имѣвшихъ въ отсутствіи вилокъ и употребленіи пищи голыми руками.

¹⁾ „*Чистъ весь*“—*ὅλος*, т. е. по всему тѣлу (и душѣ),—въ цѣломъ видѣ и составѣ, а „*чисты но не все*“—т. е. *πάντες* *все* двѣнадцать учениковъ, присутствовавшихъ за вечерю, а не *ὅλοι*—*всецѣло*, по всему своему тѣлу и въ цѣломъ составѣ. Этимъ различіемъ синонимичныхъ терминовъ отчасти вызывалась надобность въ замѣчаніи: „*ибо звалъ предающаго Его и пр.*“

²⁾ Ср. лат. *omnis* и *totus*, нѣм. *all* и *ganz*, и под.

³⁾ Древне-библейскій *тамим*, въ халд. *те.м.и.м.а* и сир. *та.м.и.но* получилъ моральное значеніе *совершенство*.

прежде въ подобныхъ же случаяхъ (Ін 6, 70—71 и 12, 4—6), предугазаніе Господа на предательство Іуды Искаріота, что и выразилъ не только двумя различными терминами въ греческомъ переложеніи словъ Господа, но и еще особымъ примѣчаніемъ. Но обоюдумыслие изреченія въ арамейскомъ говорѣ объясняетъ намъ, почему Іуда остается на вечерѣ, подаетъ свои ноги для умовенія Господу и прочіе ученики не подозреваютъ въ Искаріотѣ предателя.

Однакожь чрезъ нѣсколько часовъ, когда въ Іудѣ послѣ суда надъ Христомъ начался процессъ *раскаянія* въ содѣянномъ имъ *грѣхѣ преданія невинной или правой крови* (Мѣ 27, 3—4), это, какъ и другія подобныя изреченія и дѣйствія Господа, таинственно предугазывавшія злодѣйство Искаріота, должны были получить огромное значеніе для окончательнаго исхода этого процесса. Воспоминаніе объ этихъ предугазаніяхъ открывало Іудѣ, что Господь зналъ о злодѣйствѣ Своего довѣреннаго ученика и добровольно шелъ на смерть, какъ на неизбежное дѣло Своего служенія и любви къ человѣчеству. Кроткій и преисполненный любви Учитель, знающій о совершившейся уже измѣнѣ Своего приближеннаго ученика и друга (Мѣ 26, 50) и чрезъ нѣсколько часовъ имѣющей совершиться имъ Его выдача палачамъ, однакожь умывающій ноги Своему злодѣю и тѣмъ являющій, что вмѣсто полной ненависти и беспощадной мести Онъ *до конца возлюбилъ* даже Своего врага: этотъ образъ непорочной жертвы человѣческаго грѣха и невинной или правой крови заблужденій (*„согрѣшихъ, предавъ кровь невинную или правую“*) долженъ былъ содѣйствовать пробужденію Іуды отъ очарованія фальшивымъ блескомъ іудаистическаго націонализма, усилить властный голосъ божественнаго судьи—совѣсти и ускорить страшную, но справедливую, самоказнь злодѣя.

Иное дѣйствіе на предателя могло имѣть событіе въ то время, какъ оно совершалось. Фарисейски и іудаистически настроенный Іуда конечно тѣмъ большее сравнительно съ другими апостолами значеніе придавалъ „мѣстничеству“, „предвозлежанію“ и „первенству на вечерахъ“ (Мѣ 23, 6 Мк 12, 39 Лк 14, 7—8; 40, 46) вообще, особенно же на пасхальной. А между тѣмъ, судя по всему, Искаріоту всегда давалось послѣднее мѣсто среди Двѣнадцати. За это говорить уже его, такъ сказать менѣе всего апостольское, эконо-

номство и денежная ящикъ (Апостолъ и денежная касса! Ни суммы, ни пояса съ деньгами, и финансы!). Едва ли можно допускать, чтобы еще другой кто изъ Двѣнадцати могъ заниматься такимъ неапостольскимъ дѣломъ. Кромѣ того нельзя считать случайнымъ послѣднее мѣсто Искаріота въ евангельскихъ спискахъ Двѣнадцати. Говоримъ это потому, что въ началѣ списка помѣщаются первенствующие апостолы (Петръ и Андрей, Іаковъ, Іоаннъ) и во главѣ всѣхъ „первый“ Петръ. Наконецъ и на тайной вечерѣ первыя мѣста занимаютъ Петръ и Іоаннъ, согласно апостольскому списку евангелій, что само собою ведетъ къ мысли о послѣднемъ мѣстѣ Іуды предателя. Мы знаемъ, что домогательство первыхъ мѣстъ въ царствѣ Христовомъ со стороны Іакова и Іоанна, или ихъ матери для нихъ, вызвало негодованіе въ прочихъ ученикахъ на братьевъ Зеведевыхъ (Мѡ 20, 20—28 Мк 10, 35—45). И теперь, предъ вечерю, ученики спорятъ о первенствѣ, вѣроятно по поводу того же предпочтенія Христомъ братьевъ Зеведеевыхъ предъ прочими девятью (первенство Петра было, повидимому, общепризнано). Но для Іуды это не былъ только споръ или препирательство о первенствѣ, а—затаенное негодованіе мнимооскорбляемаго самолюбія, подозрѣніе въ пренебреженіи къ себѣ, чисто фарисейская ревность о своемъ ничтожномъ „я“ тамъ, гдѣ дѣло касается „мы“. Можетъ быть и на просьбу о первенствѣ братьевъ Зеведеевыхъ негодованіемъ отвѣтилъ болѣе всѣхъ Іуда, какъ это было и при помазаніи Господа миромъ драгоценнымъ.

Кромѣ того это событіе могло давать пищу и критицизму уже враждебно настроеннаго ко Христу и апостоламъ Искаріота. Послѣ неоднократныхъ наставленій Христа о томъ, что первый долженъ быть послѣднимъ и большій всѣхъ есть слуга всѣмъ—этотъ споръ о мѣстахъ, и притомъ въ такія торжественныя и таинственныя часы, кои вѣроятно уже прежде предрекались Господомъ ученикамъ, былъ совсѣмъ несвоевремененъ и могъ свидѣтельствовать о мелочномъ самолюбіи спорившихъ.

Мало того. Самъ Учитель первенства послѣднихъ и меньшинства меньшихъ теперь отдаетъ явное предъ всѣми предпочтеніе, указуя за возлежаніемъ хотя и не первое, но наилучшее мѣсто, Своему любимцу Іоанну. А между тѣмъ онъ быть можетъ оказывался юнѣйшимъ изъ всѣхъ, и первенство

именно его и его брата вызывало уже ранѣ негодованіе въ ученикахъ, и въ Іудѣ особенно!

Наконецъ и самое умовеніе ногъ фарисейски и критически-подозрительно настроенному Іудѣ могло казаться поступкомъ такъ сказать дѣланнымъ и даже оскорбленіемъ святости праздника. Оно не требовалась обрядомъ. Самъ Христосъ въ другихъ случаяхъ не исполнялъ омовенія даже тогда, когда оно предписывалось фарисейскимъ кодексомъ правилъ (Лк 11, 38). И теперешнее умовеніе ногъ учениковъ не было со стороны Христа исполненіемъ какой либо святой заповѣди, въ коемъ заключалось бы дѣйствительное униженіе Учителя предъ учениками, а было только *символическимъ дѣйствіемъ*, говорившимъ лишь о томъ, что большій всѣхъ долженъ быть слугою всѣмъ, и не болѣе. А въ довершеніе всего, это ненужное и не требовавшееся *дѣло* могло казаться предубѣжденному и ослѣпленному упорною идеей Искаріоту прямымъ оскверненіемъ святости великаго праздника пасхи. Вѣдь въ этотъ праздникъ позволялись (особенно въ Галилеѣ) только дѣла необходимости. Символическое же *дѣйствіе* вмѣсто слова было не необходимостію, а дѣланной изысканностію раввинскаго остроумія! Такъ могъ разсуждать считавшій себя обиженнымъ мрачный фанатикъ національно-иудаистической идеи.

Все это могло только усилить уже вложенное діаволомъ въ сердце Іуды намѣреніе предать Господа архіереямъ и начальникамъ и побудить предателя къ приведенію постыднаго замысла въ гнусное злодѣйство.

По поводу такого и подобныхъ, всегда крайне одностороннихъ и близорукихъ умничаній тупыхъ резонеровъ и ограниченныхъ критикановъ считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Одну и ту же идею, одно и то же чувство можно выразить и посредствомъ слова, и притомъ—ораторскаго, стихотворнаго, повѣствовательнаго,—и по средствомъ пѣнія, музыки, живописи, скульптуры. Резонерство имѣетъ ли право требовать только одного какого либо способа выраженія идей и чувствъ, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ? Почему же не всѣхъ даже одновременно? Почему не слово и *дѣло* вмѣстѣ? Только хулитель Духа дерзнетъ наложить оковы личнаго, ничтожнаго и ограниченаго, усмотрѣнія на проявленія Духа!.. Кромѣ того, лично для евангелиста

Іоанна Богослова это дѣйствіе Христа могло служить таинственно-символическимъ проявленіемъ богочеловѣчества Его, такъ какъ у пророка Іезекіиля говорится, что Іегова *омылъ* Израиля *водою* (16, 9),—мѣсто, составляющее предметъ раввинскихъ разсужденій о дѣйствіяхъ Бога, не сходныхъ съ человѣческими, ибо у людей омовеніе совершаютъ рабы, а Богъ Самъ оmyваетъ Израиля въ Schemoth rabba, par. XX и XXV въ переводѣ Wunsche S. 159 и 192.

2) *Пасхальная вечеря и Новый Заветъ*: Мѡ. 26, 20. 26—30 Мк 14, 18. 22—26 Лк 22, 14—21 Ін 13, 12—19. Всѣ евангелисты единогласно и выразительно указываютъ на то, что для совершенія пасхальной вечера, Господь, согласно установленному обряду, *возлегъ съ двѣнадцатью учениками*: „*Когда же, говоритъ ев. Матѡей, вечеръ насталь, возлегъ съ двѣнадцатью учениками* (др. оп. учениками),—Маркъ: „*и когда вечеръ насталь, приходитъ съ двѣнадцатью, —и когда они возлежали и тли, Іисусъ сказалъ* и пр. Лука говоритъ не вообще о наступленіи вечера, но выразительно указываетъ на *часъ*, когда возлегъ Господь, предполагая тѣмъ самымъ, что до этого возлежанія съ наступленіемъ должнаго часа, могло происходить въ комнатѣ, гдѣ собрались ученики и Господь, и что либо другое: „*и когда насталь часъ* (ѣ бра—тотъ опредѣленный моментъ, когда должна была начинаться пасхальная вечеря, хотя ѣ нѣк оп), *возлегъ и апостолы* (др. вм. этого: *Двѣнадцать, третьи: двѣнадцать апостоловъ*) *съ Нимъ*“. По разъясненію Іоанна это другое, случившееся до наступленія часа пасхальной вечера, именно: „*предъ праздникомъ пасхи*“ или предъ пасхальною вечерею, были: споръ учениковъ о первенствѣ (Лк) и совершенное по этому поводу умовеніе Господомъ ногъ учениковъ Своихъ: „*когда же умылъ ноги ихъ и взялъ (надѣлъ) одежды свои (верхнія) и возлегъ* (др. и возлежиши или безъ и) *опять сказалъ имъ*“ и пр. („опять“ лат. нѣкоторые относятся къ *сказалъ*, какъ и Слав. гал и мст *пакы же рече*, Зоґр и Ал безъ *же*,—въ другихъ нѣкоторыхъ лат. и греч. неясно, относится ли „опять“ къ *возлегъ* или къ *сказалъ* и Слав. мир. и рейм.,—третьи „опять“ совсѣмъ опускаютъ: Таціанъ у Ciasca, Сир син и пеш, навѣрно и въ куретоновомъ, если бы ушѣлъ это мѣсто, но въ іер и геракл. есть, изъ Слав оп: Ассем. Симон Никол. и Амфил. 15 в. № 1,—читаютъ и относятъ къ *возлегъ* Остр. Мар. Савв.).

Слѣдую наиболѣе засвидѣтельствованному чтенію, надо предполагать, что, какъ глава общества, Господь возлежъ первымъ. Но начавшіяся потомъ, при выборѣ мѣстъ, препирательства среди учениковъ о первенствѣ побудили Господа, уже возлегшаго за вечерю, встать съ ложа (съ вечера) и умовеніемъ ногъ ученикамъ дать наглядное и трогательное поученіе о томъ, что большій долженъ не первенствовать надъ всѣми, а служить всѣмъ.

Однакожъ нельзя оставлять безъ вниманія и такихъ представителей древне-евангельскаго текста, какъ Таціанъ (2 в.), древне-сирскія тексты: синайскій и пешито (вѣроятно и куретоновъ), отъ каковаго чтенія въ зависимости стоитъ и Славянское Ассеманово евангеліе (ср. Симон. и Никол.). Также и тексты, относящіе „опять“ къ „сказалъ“ можно объяснить только неудачнымъ внесеніемъ этого „опять“ въ тексты, его не имѣвшіе: Лат. е. (5 в.) и въ зависимости отъ такого чтенія Слав. Зогр. Гал. Ал. Это чтеніе предполагаетъ умытіе ногъ до того опредѣленнаго часа (*ἡ ὥρα*), когда Господь возлежъ съ учениками Своими, „прежде праздника пасхи“ или предъ пасхальною вечерею. Такое чтеніе заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что вполне устраняетъ всѣ трудности при опредѣленіи мѣста умытію ногъ на тайной вечерѣ. И умытіе ногъ и споръ учениковъ о первенствѣ не имѣютъ для себя никакихъ побудовъ въ пасхальномъ обрядѣ ни среди вечера, ни послѣ нея. Достаточный мотивъ для нихъ можно найти только въ предпраздничной части вечера, именно при занятіи учениками мѣстъ для возлежанія.

Какъ бы то ни было, но три первыя мѣста за вечерею можемъ опредѣлить на основаніи повѣствованія ев. Іоанна.

Посрединѣ, на главномъ мѣстѣ, возлежалъ Самъ Господь и Учитель, какъ Глава общества. На первомъ послѣ Него мѣстѣ, т. е. сзади опиравшагося на лѣвую руку и возлежавшаго на лѣвомъ боку Господа, возлежалъ Петръ, — „первый“ (*πρῶτος*) въ спискѣ Двѣнадцати и всегда въ Новомъ Завѣтѣ первенствующій среди апостоловъ и являющийся ихъ представителемъ ¹⁾. Вышеприведенныя мѣста Талмуда и самое

¹⁾ Мат. 4. 18; 10. 2; 15. 16—18. 22: 17, 24; 18. 21; 19. 27 Лк 8. 45 Ін 1. 43; 6. 68 Дя 1. 13. 15; 2. 14. 37. 38; 3. 4. 6. 12; 4. 8; 5. 3 дал. 10—12 гл. 15.

положеніе возлежавшихъ дають намъ видѣть, что занимавшій первое мѣсто послѣ хозяина, сзади его, не могъ съ нимъ удобно вести бесѣду, для чего ему надлежало или занять второе мѣсто или объясняться знаками. И дѣйствительно, когда Петръ пожелалъ узнать, на кого Господь указываетъ, какъ на Своего предателя, онъ „*κινεῖται*“ (κινεῖται—даетъ знакъ движеніемъ, мимикою) занимавшему второе мѣсто Іоанну и говоритъ ему, чтобы онъ спросилъ Господа, о комъ Онъ говорить. И евангелистъ Іоаннъ съ явнымъ намѣреніемъ объяснить этотъ разговоръ выразительно указываетъ на то, что Іоаннъ возлежалъ на лонѣ Господа, т. е. занималъ второе мѣсто и удобно могъ вести тихую бесѣду съ Господомъ, припадши къ груди Его (Ин. 13, 23—25).

Ясно, Іоаннъ возлежалъ вторымъ на вечерѣ, впереди Господа, головою противъ груди Его. Мѣсто это главою пира назначалось лицу, съ коимъ надо было вести бесѣду,—супругъ, сыну, ученику и пр. Неоднократное указаніе евангелиста Іоанна на то, что онъ былъ „ученикомъ, коего любилъ Іисусъ“ (Ин. 19, 26; 21, 20), и здѣсь, по выразительному замѣчанію евангелиста (13, 23), объясняетъ намъ его возлежаніе за вечерею на лонѣ Господа, припаденіе къ груди Его и тихую съ Нимъ бесѣду. Можно поэтому думать, что Самъ Господь, ранѣе ли всегда, или же только теперь, указалъ Своему любимцу мѣсто за вечерею на „Своемъ лонѣ“ или второе послѣ Себя. Впрочемъ и независимо отъ сего, Іоаннъ принадлежалъ къ *троицѣ* приближенныхъ учениковъ Господа изъ Двѣнадцати избранниковъ. Во главѣ съ Петромъ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ присутствуетъ при наиболѣе таинственныхъ и важныхъ событіяхъ изъ жизни Господа: при воскресеніи дочери Іаира (Мк. 5, 37 Лк. 8, 51), преображеніи (Мѡ. 17, 1. Мк. 9, 2. Лк. 9, 28) и геосиманской молитвѣ (Мѡ. 26, 37. Мк. 14, 33). Они же называются „столпами“ у Ап. Павла (Гал. 2, 9). Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что послѣ Петра второе мѣсто на вечерѣ занимаетъ одинъ изъ двухъ братьевъ, составлявшихъ „троицу“ во главѣ съ Петромъ. Первенство Іоанна предъ братомъ своимъ Іаковомъ объясняется именно любовію къ нему Учителя,

7 Гал. 1, 18; ср. 1 Кор. 1, 12; 5, 22; 9, 5; 15, 5 др. Также первое мѣсто ему принадлежитъ и въ избранной троицѣ учениковъ: см. слѣд. прим.

благодаря коей какъ въ евангельскихъ, такъ и апостольскихъ текстахъ Іоаннъ нерѣдко слѣдуетъ за Петромъ и предшествуетъ Іакову въ тѣхъ случаяхъ, когда называются или только эти апостолы, или же всѣ двѣнадцать ¹⁾. Кромѣ того Петръ и послѣ него Іоаннъ нерѣдко выступаютъ дѣйствующими лицами только вдвоемъ, составляя какъ бы особую двоицу апостоловъ изъ двѣнадцати и изъ троицы. Такъ при уготовленіи пасхи (Лк. 22, 8) и въ Дѣянiяхъ (3, 1 дал. 4, 13. 19; 8, 14 ср. также Ін. 20, 4; 21, 7 сл.).

Такимъ образомъ Іоаннъ имѣлъ всѣ основанiя занимать на вечерѣ второе послѣ Петра мѣсто и возлежать на лонѣ Господа. Руководясь этимъ соображеніемъ, мы можемъ размѣщеніе другихъ апостоловъ представлять въ приблизительномъ порядкѣ ихъ списковъ въ Евангелiяхъ и Дѣянiяхъ. За Петромъ возлежалъ Іаковъ, братъ Іоанна, одинъ изъ „трехъ“ приближеннѣйшихъ учениковъ Господа и изъ „трехъ столповъ“ апостольскаго христiанства. Далѣе за Іоанномъ—Андрей, хотя и называющійся во многихъ спискахъ апостольскихъ вторымъ послѣ Петра, но очевидно по его *парности* съ нимъ, какъ его братъ, а не по порядку *первенства*, такъ какъ въ другихъ спискахъ онъ занимаетъ четвертое мѣсто послѣ Петра, Іоанна и Іакова. Этою же *парностию* можно объяснить и второе мѣсто Іакова послѣ Петра и предъ Іоанномъ во многихъ спискахъ, какъ старшаго брата въ парѣ.

¹⁾ Въ апостольскихъ спискахъ слѣдуютъ Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ у Мѣ 10, 2 и Лк 6, 14—очевидно по парамъ и по старшинству братьевъ. Но Мк 3, 16—17: Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Андрей, какъ и нѣк. код. поздн. (Е др) въ Дн 1, 13,—очевидно по порядку первенства въ общемъ отдавая предпочтеніе Іакову предъ Іоанномъ, какъ старшему брату. Но лат. ¹ Лк 6, 14 и авторит. Дн. 1, 13: Петръ, Іоаннъ, Іаковъ, Андрей—по безусловному порядку первенства, какъ первые двое несомнѣнно возлежали и на вечерѣ. Затѣмъ въ троицѣ избраннѣйшихъ учениковъ имѣемъ порядокъ въ двойномъ видѣ: а, какъ Мѣ 10, 2 Мк 3, 16—17 Лк 6, 14: т. е. послѣ Петра слѣдуетъ Іаковъ по старшинству, а потомъ Іоаннъ, какъ его (младшій) братъ: Мк 5, 37 и Лк 8, 51 въ *Σ. А.*: Сир кур. сина пещ.,—Мѣ 17, 1 Мк 9, 1 и Лк 9, 28 въ *Σз D.* Сир кур. сина пещ.,—Мк 14, 33,—Гал. 1, 18 D. Е Терг. Ор.,—также Іаковъ, Кифа, Іоаннъ *Σ. В. С.* Сир. (ибо Іаковъ былъ епископомъ іерусал. церкви), также въ *А.*: Іаковъ и Іоаннъ, съ опущеніемъ: и *Кифа*. Напротивъ согласно Дн. 1, 13: Петръ, Іоаннъ, Іаковъ у Лк 7, 51 въ *В. С. D.* др. Лат больш. Сир іер. и геракл.,—Лк. 9, 28 въ *Σ. А. В. С** Латин больш. Сир геракл. Наконецъ неизвѣстенъ порядокъ у Мѣ 26, 17:—„Петръ и два сына зеведеевы“.—

Напротивъ въ спискахъ, имѣющихъ въ виду порядокъ *первенства*, а не *старшинства* въ парѣ (объ этихъ парахъ см. I отд.), послѣ Петра и впереди Іакова называется Іоаннъ. (см. предш. примѣч.). Такъ въ приблизительномъ порядкѣ апостольскаго списка возлежали всѣ Двѣнадцать, до Іуды Искаріота, называемаго вездѣ на послѣднемъ мѣстѣ, не только потому, что онъ, какъ предатель, отпалъ отъ двѣнадцати, но быть можетъ и потому, что онъ былъ эконоомъ общества, носилъ ящикъ съ деньгами, дѣлалъ нужныя покупки, раздавалъ нищимъ,—вообще велъ хозяйство общины и занимался дѣломъ, болѣе такъ сказать житейскимъ, суетнымъ, мірскимъ, чѣмъ духовнымъ, Божьимъ, апостольскимъ (ср. Лк. 10, 41—42).

Дальнѣйшій обрядъ пасхальной вечера, по изложенію Маймонида согласно древне-іудейскимъ памятникамъ, преимущественно 10-й главѣ трактата о Пасхѣ въ Мишнѣ, Тосефтѣ и обѣихъ Гемарахъ,—въ общихъ чертахъ и приблизительно состоитъ изъ слѣдующихъ дѣйствій:

а) Подается столъ, покрытый скатертью, на коемъ находились всѣ яства вечера ¹⁾: горькія травы, приправа въ видѣ густого соуса, опрѣсноки, пасха (жареный агнецъ), хагига (жареное мясо жертвы 14-го Назана) и сласти (орѣхи, зерна, и пр.) ²⁾. Предвозлежащій произноситъ благословеніе надъ

¹⁾ Такъ какъ Евангелія выразительно указываютъ только на присутствіе Двѣнадцати учениковъ за вечерю, то столъ и всѣ службы за вечерю совершались ими самими, безъ слугъ. Столъ имѣлъ видъ продолговатой четырехугольной, сравнительно тонкой и легкой доски, которую выѣсть съ яствами сами ученики могли подавать и убирать. Описаніе формы стола фарисея имѣемъ въ *Baba Bathra Babyl. 57. b*: „каковъ столъ учениковъ мудрецовъ? Двѣ части его покрыты скатертью, а третья—открыта, и на ней расположены блюда и оноши“. Въ глоссѣ дѣлается замѣчаніе, что къ одной сторонѣ стола прикрѣпляется (металлическое) кольцо, за которое онъ вѣшается на стѣнѣ, для сохраненія его въ чистотѣ. Отсюда видимъ, что столы, употреблявшіеся при возлежаніяхъ, не были толсты и тяжелы. (Light. къ Ів. 13, 23).

²⁾ Мишна, Песах. X, 3 и 5: „Когда ему подали на (столъ), онъ обмакиваетъ латукъ, пока не дойдетъ до хлѣбной закуски (*парперет гапат*—закуска изъ кусковъ, крошенная закуска, др. переводятъ, „до крошенія хлѣба“ т. е. до преломленія, яденія опрѣсноковъ, или „до начала пира“—Schwab V, 149, т. е. это—предварительная, до ужина, закуска). Подаютъ *опрѣсноки, латукъ, харюсетъ* и *два кушанья* (блюда), а при существованіи храма на столъ подавалась и самая Пасха (Агнецъ и

пищею: „Благословенъ Господь Богъ нашъ, Царь вселенной,

Хагига): ср. 5,—Переф. 2, 255. 256 и Surenh. 2, 173. 174. Въ Мишнѣ Песах. II, 6 Переф. 204 *горькія травы* пасхальной вечера (Исх. 12, 8; Числ. 9, 11—*мерорим*—LXX *πικρὶδες*—Вулг. *lactucæ agrestes*)—названы: латукъ, эндивій, тамка, хархавина и мароръ. Подъ послѣдними тремя нѣкоторые разумѣютъ: хрѣвъ, акацію и горькія части коріядра. Въ Таргумѣ Псевдо-Ионаана къ Исх. 12, 8 названы только: эндивій и тамка. Іер. Гем. къ это м. Schwab, V, 32 и Вавил. 39. а Gold 2, 459. *Харосетъ*—густой сладковато-кисловатая кашка или соусъ изъ толченыхъ финиковъ, фигъ, миндаля, орѣховъ и другихъ фруктовъ, сваренныхъ съ уксуомъ, корицею и другими приправами: онъ долженъ имѣть красноватый цвѣтъ (кирпичный) и густоту, въ память глины, изъ которой еврейскіе предки дѣлали кирпичи въ Египтѣ. Іер. Гем. Ugol. XVII, 940 и у Schwab, 150: по одному мнѣнію, харосетъ долженъ быть густъ, въ память глины, что обрабатывали евреи въ Египтѣ,—по другому мнѣнію, онъ долженъ быть жидкій или красный, чтобы напоминать кровавые рубцы (раны). Въ вавил. Гемарѣ подъ „двумя блюдами“. Мишны, по однимъ, разумѣются рисъ и свекла, по другимъ два жаренныя мяса—хагиги и пасхи—Pesach. 114. *a—b* у Gold. 722—723. Ibid. 116. *a*: харосетъ долженъ быть густой въ воспоминаніе глины, что мѣсили евреи въ Египтѣ: у Gold. 726. Ibid. 40. *b—41. a* не совѣтуется подмѣшивать медь въ харосетъ, а если хотятъ подмѣшивать, то сначала надо класть уксусъ, потомъ медь (по другимъ наоборотъ)—во избѣжаніе кваснаго броженія: у Gold. 464—465. Ibid. 115. *a—b* Gold. 726: латукъ надо обмакивать *глубоко* въ харосетъ, чтобы смягчить ѣдкость горькихъ травъ. *Опрѣсноки* — *маццот* (отъ *мацац* — *быть твердымъ*, о прѣсныхъ крутыхъ и твердыхъ лепешкахъ въ отличіе отъ рыхлаго кислаго хлѣба), по Мишнѣ Песах. II, 5 Переф. 203, Surenh. 2, 140 и Халла 1, 1 Пер. 1, 344, Surenh. 1, 289, готовятся изъ пшеницы, ячменя, полбы, овса и овсеца (дикаго овса). Они имѣютъ видъ плиты или тарелки въ налецъ (дюймъ) толщиною. *Пасха* (прехождение—въ память ночи выхода евреевъ изъ Египта, когда Ангель, истреблявшій египетскихъ первенцевъ, миновалъ дома евреевъ, окрошенные кровью пасхальнаго агнца) готовилась такъ. 10-го Нисана (Исх. 12, 3) глава семейства шелъ въ стадо и отбиралъ въ немъ однолѣтняго агнца мужскаго пола—баранчика или козлика, безъ какихъ бы то ни было (тѣлесныхъ) пороковъ (во времена Христа пасха могла быть куплена и притомъ позднѣе 10-го: Мишна Песах. IX, 5 Пер. 246). При этомъ употребляются нѣкоторыя церемоніи и произносятся слова, что это Агнецъ для пасхи. Агнецъ привязывается веревкою отъ 5 до 10 ладоней длины къ кровати главы семейства до 14-го (Келимъ Мишна XIX, 2 Пер. VI, 116). Въ ночь на 14-е начинается уничтоженіе всего кваснаго въ домѣ,—послѣдніе остатки сжигаются 14-го въ началѣ 6-го часа (ib. 1, 1 и 4 Пер. 194 и 196). Закланіе агнцевъ начиналось 14-го числа послѣ Минхи (вечерней жертвы), совершавшейся въ этотъ день часомъ ранѣе (т. е. послѣ 8-го часа, по нашему 2 ч. по полудни),—въ время, обозначенное въ Исх 12, 6 терминомъ: „между обоими (или двумя) вечерами“, по равинскому толкованію:

„послѣ полудня (съ 6 ч. 12 ч. дня) до захода солнца“. По Иосифу Флавію Bell. VI, 9. 3 Niese VI, 567 § 423: между 3—5 часами (*οἱ δ' ἐνστασις ἑορτῆς, πάσχα καλεῖται, καθ' ἣν θύουσιν μὲν ἀπὸ ἐνάτης ὥρας μέχρις ἑνδεκάτης, ὥσπερ δὲ φαίρια περὶ ἐκαστὴν γίνεται θυσίαν οὐκ ἑλάσσων ἀνδρῶν δέκα, μόνον γὰρ οὐκ ἔξεστιν δαίνυσθαι, πολλοὶ δὲ καὶ σὺν εἰκοσιν ἀφροῖζονται*). Къ этому сроку хозяева или ихъ слуги (Песах, Миш VIII, 2 Пер. 238) приносили агнцевъ на плечахъ въ передній дворъ храма, гдѣ жертвы предвѣрительно осматривались священниками, коимъ они предъявлялись „подъ именемъ пасхи—*лешем песах*“. Затѣмъ, въ избѣжаніе тѣсноты и для ускоренія „пасха закаляется тремя отдѣленіями. Сначала входитъ первое отдѣленіе. Какъ только дворъ (передній) храма наполнился, его двери запираются, и издають три трубныхъ звука. Священники становятся (двумя) рядами, имѣя въ рукахъ серебряныя и золотыя блюда: у одного ряда только серебряныя, а у другого только золотыя, они несмѣшивались. Блюда не имѣли плоскихъ доньевъ (но круглыя), такъ что ихъ нельзя было ставить (на землю) и кровь не могла свернуться. Израильтянинъ закалывалъ, священникъ принималъ кровь (въ чашу) и передавалъ ее близъ стоящему, тотъ слѣдующему (и такъ далѣе до жертвенника),—каждый принималъ полную чашу и возвращалъ пустую, а священникъ, стоявшій у самого жертвенника, совершалъ однократное крошеніе (выливалъ ее всю сразу) на основаніе жертвенника. Послѣ этого выходило первое отдѣленіе и входило второе, а потомъ третье. Въ это время левиты, раздѣлившись на два хора, пѣли галлель (хвалебные псалмы 114—119), оканчивавшіеся 137-мъ псалмомъ („на рѣкахъ Вавилонскихъ“). Закланіе совершалъ не священникъ, какъ во всѣхъ другихъ жертвахъ, но каждый израильтянинъ самъ, и только для нечистыхъ это дѣлали левиты и священники (ср. 2 Парал. 30, 15—17; 35, 10—11 и Филона De vita Mos III. § 29 ed Cohn vol. IV p. 252 §§ 224—225.) На стѣнахъ и колоннахъ (двора) находились желѣзные крючья, на нихъ вѣшали агнца и снимали кожу. Кому не хватало мѣста, имѣлись тонкія и гладкія жердочки, которыя совершавшій жертву клалъ на свое плечо и плечо товарища-сосѣда, вѣшалъ на нее жертву и снималъ съ нея кожу. Вынимались и внутренности: жиръ отъ внутренности, хвостъ, почки и печенка клались на блюдо и отправлялись для сожженія на жертвенникъ (Исх. 23, 18) см. Мишна, V, 5—10, пер. 221—223). Лишь только смеркалось, всѣ выходили и жарили свои пасхальныя жертвы (ib. V, 10. 233 ср. Исх. 12, 8). Для этого также предписываются точныя правила. Агнца протыкаютъ насквозь двумя гранатовыми жердями — вдоль и поперекъ у переднихъ ногъ, такъ что получалась фигура креста (Иуст. Муч. Dial. cum Tгурh. с. 40) и жарится (на вертелѣ) въ земляной печкѣ, имѣющей видъ горшка безъ дна, съ отверстіемъ для огня. вмѣстѣ съ тушею жарились и внутренности, не подвергавшіеся сожженію на жертвенникъ (Песах. Мишна VII, 1—2 ср. Тосефту къ ней у Переф. 2, 230—231). Для пасхальной вечера мясо пасхи и хагиги рѣжется на мелкіе куски, причемъ кости пасхи должны непременно сохраняться въ цѣломъ видѣ и не сокрушаться. Кромѣ Пасхи по Второз. 16, 2 закалались другія животныя: изъ крупнаго скота и изъ мелкаго, изъ агнаты и изъ козъ мужскаго и

создающій плодъ земли“ ¹⁾),—береть горькой травы (латукъ) въ размѣрѣ оливы и ѣсть, обмакивая въ соленую воду и соусъ. Такъ паступаютъ и всѣ совозлежащіе ²⁾).

Послѣ этого столъ отставляется въ сторону и подается предвозлежащему *вторая чаша* разбавляемаго водою вина. Получивъ чашу, предвозлежащій въ видѣ отвѣта на вопросъ сына или на свой собственный, указываетъ на отличіе пасхальной ночи (вечери) отъ другихъ праздничныхъ и обычныхъ, именно: въ эту ночь употребляются одни только опрѣсноки, только горькія травы, только жареное мясо (пасхальнаго агнца), два раза (вмѣсто обычнаго одного) обмакивается пища (въ соленую воду, какъ обычно, и кромѣ того въ особаго рода соусъ—харосет) и ѣдятъ не сидя и не стоя, а непременно возлежа. Въ объясненіе всѣхъ этихъ отличій читается такъ называемая агада, т. е. Втораз. 26, 5 и дал., гдѣ кратко разсказана исторія освобожденія евреевъ Богомъ изъ рабства египетскаго ³⁾).

женскаго пола: это—праздничная жертва—*хагига*. Она назначалась собственно 15-го Нисана, но приносилась и 14-го (если не было къ тому препятствій), и въ такомъ случаѣ она считались „жертвою веселія“, а не „жертвою міра“, какъ хагига 15 Нисана (Песах. Мишна X, 4 и Тосефта V, 2 и 3 у Переф. 227—228). Жарилась она вмѣстѣ съ пасхою и уносилась домой съ наступленіемъ темноты (Песах. Мишна V, 10 Переф. 223). Наконецъ подъ *двумя блюдами* Мишны Песах. X, 3 Переф. 225 въ Вав. Гем. 114. b Gold. 722—723 по одному мнѣнію надо разумѣть свеклу и рисъ, а по другому—мясо пасхи и хагиги.—ср. Iер. Гем. у Schwab'a 150.

¹⁾ Мишна Берах. VI, 1 Пераф. 1 19 ср. прибавленія VI на 47 стр. Формулы разныхъ благословеній: надъ плодами деревъ: „благословенъсоздающій плодъ древа“,—надъ виномъ: „.....создающій плодъ лозы виноградной“,—надъ овощами: „.....создающій плодъ земли“,—надъ напитками и прочею пищею; „.....по слову Коего все создано“.

²⁾ Мтра. равняющаяся половинѣ куринаго яйца,—минимумъ пищи для произнесенія благословенія надъ нею. Можно соединять двѣ травы, по половинѣ каждой: Мишна Песах. II, 6 Переф. 204 и Барах. VII, 2 Переф. 26. По объясненію раввиновъ, эта предварительная закуска имѣетъ цѣль возбужденіе аппетита.

³⁾ Мишна Песах. X, 4 Пер. 255—256. „Ему (главѣ семейства, предвозлежащему) разбѣшиваютъ вторую чашу, и здѣсь сынъ спрашиваетъ отца, а если недостаточно сообразителенъ, то отецъ съ нимъ разучиваетъ вопросы: чѣмъ отличается эта ночь отъ прочихъ ночей?—(отв.). Въ другія ночи мы ѣдимъ и прѣсное и квасное, а въ эту ночь только прѣсное. Въ другія ночи мы ѣдимъ всякіе травы, а въ эту ночь только горькія. Въ другія ночи мы ѣдимъ мясо жареное, душистое или вареное, а въ эту

Снова придвигается столъ и предвозлежащій возглашаетъ: „почему ѣдимъ мы эту Пасху?—потому ѣдимъ мы эту Пасху, что Богъ прошелъ (мимо) дома отцовъ нашихъ въ Египтѣ, и потому законъ повелѣваетъ: „скажите имъ: это жертва прехожденія Господа“ (Исх. 12, 27). Затѣмъ беретъ блюдо съ горькими травами, поднимаетъ въ верхъ и говоритъ: „почему ѣдимъ мы эти горькія травы?—потому что Египтяне сдѣлали горькою жизнь нашихъ отцовъ въ Египтѣ, какъ о нихъ написано“ (Исх. 1, 14): они сдѣлали ихъ жизнь горькою“. Также поднимаетъ опрѣсноки и говоритъ: почему ѣдимъ мы эти опрѣсноки?—потому, что тѣсто нашихъ отцовъ еще не вскисло, какъ вдругъ Всемогущій Благій Богъ вывелъ ихъ изъ Египта, какъ сказано въ законѣ (Исх. 12, 39): „и они испекли тѣсто, что вынесли изъ Египта, прѣснныя лепешки, ибо оно еще не вскисло“. Заканчиваетъ слѣдующимъ словословіемъ: „посему мы должны благодарить, восхвалять, славить, возвеличивать, возвышать, почитать, благословлять, прославлять и воспѣвать Того, Кто сотворилъ нашимъ предкамъ и намъ всѣ эти чудеса: Онъ вывелъ насъ изъ рабства на свободу, изъ печали на радость, изъ скорби на праздникъ, изъ тьмы на великій свѣтъ, изъ подданства на волю. Да возгласимъ Ему: аллилуя“ ¹⁾. Сюда присоединяется 112 (118) псаломъ: „хвалите рабы Господа“, кончая словами 113 (114), 8: превращающаго скалу въ озеро воды, камень въ источникъ водъ“. Заключаетъ словами: „благословенъ Ты, Господь Богъ нашъ, Царь вселенной, Который спасъ насъ и нашихъ предковъ изъ Египта... доведшій насъ до сей ночи, чтобы мы вкушали опрѣсноки и горькія травы“ ²⁾. Послѣ этого пьетъ *вторую чашу*, предварительно сказавъ опять уже приведенное выше благословеніе вина: „благословенъ Ты, Господь Богъ нашъ, Царь вселенной, создающій плодъ лозы виноградной!“

ночь только жареное. Въ другія ночи мы обмакиваемъ только одинъ разъ, а въ эту ночь два раза (кромѣ соленой воды, какъ обычно, обмакиваютъ еще въ харосетъ). Такъ поучаетъ сына сообразно его пониманію. Начинаетъ онъ съ вещей постыдныхъ и кончается вѣщами лестными и „толкуетъ“ отъ словъ: „отецъ мой былъ странствующій арамеянинъ“ (Второз. 26, 5) до конца отдѣла.

¹⁾ Мишна Песах. X, 5 Переф. 256.

²⁾ Мишна Песах. X, 6 и Тосефта у Переф. 256—257.

Снова моетъ и вытираетъ руки. Беретъ со стола два опрѣснока (лепешки), одинъ изъ нихъ преломляетъ пополамъ, кладетъ половинки на другіе хлѣбы и говоритъ благословеніе хлѣба (вышеприведенное): „благословенъ Ты, Господь Богъ нашъ, Царь вселенной, выводящій хлѣбъ изъ земли“. Потомъ накладываетъ горькія травы на кусокъ опрѣснока, обмакиваетъ въ соусъ (харосет), произноситъ благословеніе; „благословенъ Ты, Господи Боже нашъ, Царь вселенной, освятившій насъ заповѣдами Своими и повелѣвшій намъ вкушать опрѣсноки и горькія травы“,—ѣстъ вмѣстѣ опрѣснокъ съ травами, или же отдѣльно (въ послѣднемъ случаѣ говорятъ два отдѣльныя благословенія) и передаетъ другимъ. Преломленіе на куски служитъ символомъ бѣдствій, почему называется *lexem* — *евіоне*, т. е. *хлѣбомъ бѣдняковъ* (евіонеевъ), ибо бѣднымъ свойственны куски. По іудейскому ритуалу при раздаваніи опрѣснока говорится: „это есть хлѣбъ страданія“ *לחם ענין*. По вавил. Берахотъ, присутствующіе предъ преломленіемъ произносятъ: „аминь“¹⁾.

Затѣмъ приступаютъ къ хагитѣ (жертва 14-го Нисана). Послѣ благословенія: „благословенъ Ты, Господь Богъ нашъ, Царь вселенной, повелѣвшій намъ ѣсть жертвенное (мясо)“, вкушаютъ отъ мяса жертвы.

Наконецъ приступаютъ къ самому главному дѣйствию вечера: яденію жаренаго (на вертелѣ) мяса пасхальной жертвы (агнца). Произносится благословеніе: „благословенъ.... освятившій насъ своими заповѣдами и постановившій намъ вкушать пасху“²⁾. Потомъ, предвозлежащій (хозяинъ) беретъ и ѣстъ мясо жертвы, за нимъ всѣ присутствующіе ѣдятъ съ торжественнымъ веселіемъ, чего и сколько кому угодно, запивая ѣду виномъ. При раздаваніи мяса пасхальнаго агнца говорилось: „это есть тѣло пасхи—*פסח* *לחם* *ענין* *לך*. По закону (Исх. 12, 10) мясо пасхи нельзя оставлять до утра и при яденіи нельзя ломать костей³⁾. Въ заключеніе ужина вкушаютъ всѣ по

¹⁾ Babyl. Borakh. 47. a Gold. 1, 168. Галлель старшій ѣлъ пасху, опрѣсноки и горькія травы, складывая ихъ вмѣстѣ. Тосефта къ Берах. 1, 34—у Переф. 1, 205 къ Берах. Мишна II, 6.

²⁾ Тосеф. Песах. V, 13 Пер. 259.

³⁾ За сокрушеніе кости Мишна полагаетъ 40 ударовъ: Песах. VII, 11 Переф. 2. 235.

кусочку пасхи размѣромъ не менѣе оливы и потомъ уже не ѣдятъ ничего до слѣдующаго дня ¹⁾).

Этотъ кусочекъ служить знакомъ окончанія ужина. Предвозлежащій моетъ руки, послѣ чего говорится потрапезное благословеніе (зиммун): „возглашающій: благословимъ Того, Чью благодать мы вкушали,—сотрапезники: благословенъ Тотъ, Чью благодать мы вкушали и Чьей благодатью мы живы“ ²⁾).

Потомъ, послѣ ужина (ср. *мет'а т'о дейлѣбаи* Mk 17, 22 и 1 Кор. 11, 25), смѣшивается (наливается) третья чаша, называемая „чашею благословенія—*кас-габераха* или въ полной формулѣ: *кас-бирхат-гамазон—чаша благословенія пищи—т'о пат'и-рион т'ис евлог'иас* въ 1 Кор. 10, 16. Талмудисты въ обѣихъ Гемарахъ очень много занимаются этою чашею, предъявляя слѣдующія требованія: она должна быть *вымыта* снаружи и внутри, чтобы въ ней ничего не оставалось отъ прежнихъ чашъ,—*вливается* въ нее непременно *чистое вино* и уже въ самую чашу подливается вода,—она должна быть *возможно полная*, іерус. гем. еще добавляетъ: *украшенная и пріятная* (слѣдовательно для нея требовалась особая посуда),—ей должно принадлежать *увѣнчаніе*, то-есть, по одному толкованію, возлежаніе учениковъ вокругъ стола на подобіе короны-вѣнца, а по другому—это чаши, стоящія кругомъ въ видѣ вѣнца,—*покрытіе*, то-есть при возлежаніи за вечерю возложеніе покрывала на голову во время благословенія надъ чашею,—чаша берется обѣими руками, потомъ *правою рукою поднимается* надъ столомъ на высоту ладони,—наконецъ *глаза должны быть устремлены* на нее при полномъ *молчаніи* ³⁾). По произнесеніи благословенія, она выпивалась.

Слѣдовала потомъ *четвертая чаша*. Надъ ней заканчивался галлелъ, начатый за второю чашею, т. е. начиная съ псал. 114 (113), 9 и кончая псалмомъ 119 (118)-мъ. Псаломъ произносился по полустипіямъ, на кои сотрапезники отвѣ-

¹⁾ Мишна. Песах. X, 8 Переф. 2, 258.

²⁾ Мишна, Верах. VII Переф. 1, 25—28 и Приб. VII на стр. 47,

³⁾ Мишна, Песах. X, 7. „Послѣ того какъ ему (предвозлежащему или хозяину) размѣщена третья чаша, онъ произноситъ потрапезную молитву“. Іерус. Гем. къ Верах. VII, 5(6) у Schwab' a, 1, 136. Вавил. Гем. къ VII, 4—5, fol 51 a—b у Gold. 1, 182—183. Ср. ib. p. 137: p. Хіѣя, когда благословлялъ возлежа, закрывать свое лицо.

чали или возгласомъ „аллилуіа“, или повтореніемъ первыхъ полустушій, или же вторыми полустушіями ¹⁾).

Галлель заканчивается „славословіемъ пѣсни“. По мнѣнію одного раввина, это—то славословіе, что употребляется и теперешними евреями: „Тебя, Господи Боже нашъ, славятъ всѣ творенія Твои“ и пр. А по другому раввину, это—„Душа всего живого и пр.“ ²⁾.

Послѣ благословенія выпивалась четвертая чаша и вся вечеря заканчивалась. Послѣ этой чаши уже нельзя болѣе пить вина всю ночь, до слѣдующаго дня ³⁾.

Торжественно-радостное пиршество растягивается по возможности долѣе. Но не позднѣе полуночи. Хагигу и въ особенности пасху надо было стараться съѣсть всю безъ остатка. Если же остатки все таки были, то они должны сжигаться до полуночи на 16-е Нисана, а въ случаѣ совпаденія 16-го съ субботою, до 17-го. Остатки прочей пищи не выносятся изъ дома ⁴⁾.

¹⁾ Iер. Сота У, 6 Schwab Мишна Сукка Ш, 10—11 Переф. 2, 376,—Тосефта Песах. X, 6 у Переф. 2, 257.

²⁾ Мишна Песах. X, у Переф. 258. Ср. ib. прим. 1, гдѣ приведено славословіе: „Тебя, Господи Боже нашъ, славятъ всѣ творенія Твои, а праведные благочестивцы Твои, исполнители воли Твоей, и весь народъ Твой, домъ Израіля, пѣснопѣніями благодарятъ и благословляютъ и прославляютъ и возвеличиваютъ и возвышаютъ Тебя и провозглашаютъ всемогущество и святость и царственность имени Твоего, о Царь нашъ! Ибо Тебя подобаешь благодарить и имени Твоему пристойно пѣть. Отъ вѣка и до вѣка Ты—Богъ, благословенъ Ты, Боже,—Царь, прославляемый гимнами!“ А молитва: „Душа всего живаго“ помѣщена въ нашемъ „Древне еврейскія молитвы съ именемъ Апостола Петра“. См. Pesachim Babyl. 118. а у Gold. 2, 734 сл. Возбѣжденіе опьяненія запрещается пить вино между 3 и 4 чашами, между тѣмъ какъ между 2 и 3 пьютъ сколько угодно. Мишна Песах. X, 7 у Переф. 2, 258 ср. Iер. Гем. р. 153.

³⁾ Употребляется по желанію еще и пятая чаша съ пѣніемъ псалмовъ 120(119)—137(136). Но въ талмудическомъ трактатѣ о пасхѣ нѣтъ указаній на эту чашу. Притомъ заключительный псаломъ 137-й: „на рѣкахъ Вавилонскихъ“ не гармонируетъ съ общимъ радостнымъ и мирнымъ настроеніемъ праздника. Во всякомъ случаѣ во время Христа и для Іудеевъ Палестины онъ былъ бы неумѣстенъ. Не говоримъ уже о томъ, что Псаломъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ духу Христова ученія. Поэтому Самъ Господь и Его ученики не могли бы воспѣвать такого псалма, если бы даже онъ и въ то время полагался пасхальнымъ обрядомъ.

⁴⁾ Исх. 12, 10. Мишна Песах. VII, 9—10 Переф. 2, 234,—ср. Тосефту Песах. V, 13, у Переф. къ X, 9 на стр. 259. Ср. Babyl. Berakh 9. а Gold. 1, 28—29.

Всѣ ли изъ указанныхъ обрядовъ пасхальной вечери существовали во времена Христа и существовавшія постановленія были ли исполнены со всею строгостью и полнотою на тайной вечерѣ, рѣшить это нѣтъ возможности. Но во всякомъ случаѣ они служатъ прекраснымъ историческимъ фономъ, на коемъ со всею ясностью и стройностью выступаетъ нарисованная евангелистами картина тайной вечери. И для нашей цѣли вполнѣ довольно этой картины.

„Итакъ, продолжаетъ евангелистъ Іоаннъ (13, 12 — 16), когда омылъ ноги ихъ (др. учениковъ) и (др. опуск.) взявъ одежды Свои и возлегъ (др. возлегши) опять (нѣк. опускають), сказалъ имъ: знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы зовете Меня: „Учитель и Господь“ (такъ обычно у евреевъ величались ¹⁾ раввины). И хорошо (букв. прекрасно или вѣрно) говорите: (такое) есмь Я (дѣйствительно: Мѣ 28, 8). Такъ если Я умылъ ваши ноги, Господь и Учитель, то (нѣк. приб: столь или тѣмъ болѣе) и вы обязаны ²⁾ другъ друга умывать (н: умывать другъ друга) ноги (быть слугами другъ другу, исполнять обязанности слугъ другъ другу). Образецъ (это, вотъ, ибо) далъ Я вамъ, чтобы, какъ (что) Я сдѣлалъ вамъ, и вы дѣлали. Вѣрно-

¹⁾ ὁ διδάσκαλος καὶ ὁ κύριος соотвѣтственно обычнымъ у евреевъ величаніямъ раввиновъ: рав или равви, мор—мори, алуф—алуфи—учитель или учитель мой, господинъ или господинъ мой,—обычно въ сочетаніи: равви умори или равви ваалуфи—учитель мой и господинъ мой,—также ави—отецъ мой. Вѣ Сир. пер. рабан у моран—учитель нашъ и Господь нашъ. Ср. Авотъ VI, 3 Surenh. IV, 486 Переф. Книжнѣи Тора 3,—IV. 501 Царь Давидъ, наученный Ахитофеломъ, называетъ его „учителемъ своимъ (равво), господиномъ своимъ (алуфо) и ближнимъ—другомъ своимъ“. Ученики у евреевъ не называли своихъ учителей по имени, но всегда величали этими почетными названіями. Ср. Babyl. Taanith 20. b Gold. III, 477 удвоено: равви—равви, мори—мори),—Sanhedrin 98. a Gold. 7, 427, lin. 18—обращеніе къ Мессіи: равви умори,—ibid. 100. a Gold. 437. lin. 19 sq: осуждается названіе своего учителя по имени, за что и былъ наказанъ Гезіа (4 Цар. 8, 5),—Makkoth 24. a Gold, 7, 607, lin 3 sq: Иосафатъ при видѣ ученаго—толмида—вставалъ съ трона, обнималъ его, цѣловалъ и называлъ: ави—ави, равви—равви, мори—мори: отецъ мой—отецъ мой, учитель мой—учитель мой, господинъ мой—господинъ мой“. Эти и др. параллели см. у Wünsche, Neue Beiträge Zur Erläuterung der Evangelien aus Talmud und Midrasch къ эт. м. и Schöttgen, Horae Lebraicae къ эт. м.

²⁾ Такъ лучше переводить выразительно поставленное ἀφείλετε, вмѣсто „должны“, какъ болѣе отвлеченнаго и общаго, употребляющагося въ переводѣ и тамъ, гдѣ нѣтъ отдѣльнаго глагола для этого понятія, напр. будущее долженствования или отглагольное прилаг. (герундій) и под.

вѣрно говорю вамъ: рабъ не болѣе (букв.: не есть рабъ болѣе) господина своего и посланникъ (апостолъ) не болѣе пославшаго его (Мѹ 10, 24 Лк 6, 40 ср. Ін. 15, 20 и Лк 22, 27). Если это вѣдаете, блаженны вы (есте), ежели дѣлаете это (поступаете такъ)⁴.

Совершенно такое же по содержанію, хотя и различествующее по изложенію, наставленіе даетъ Господь ученикамъ и по поводу ихъ спора о первенствѣ у евангелиста Луки (22: 25—30). „Былъ же и споръ у нихъ о томъ, кто изъ нихъ долженъ считаться большимъ. Онъ же сказалъ имъ: цари народовъ господствуютъ надъ ними и владычествующіе благодѣтелями называются (Н* и начальники народовъ властвуютъ надъ ними и благодѣтелями называются). Вы же не такъ. Но больший у васъ да бываетъ (будь, бывай—др. чт. да будетъ) какъ младшій (какъ одни, др. меньшій и древнеслав.) и начальствующій (св. Ал.: игуменъ, др. старшій) какъ служащій (нѣк. греч. существ.: слуга и Слав. Добр. Симон.). Кто вотъ (да, ибо) больше: возлежащій или служащій? Не возлежащій ли? (Сир. кур. оп.). Я же среди васъ какъ служащій (Д: ибо Я среди васъ пришелъ не какъ возлежащій, но какъ служащій“ — очевидно относить не къ тайной вечерѣ, но толкуетъ вообще о служеніи Христа во время всей Его жизни). Вы же пребыли со Мною въ искушеніяхъ Моихъ, и Я завѣщаю вамъ. (А и нѣк. приб.: завѣтъ), какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство, да ядите и пьете за трапезою Моею въ царствѣ Моемъ и да возсядете на престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израиля“, т. е. царственное и судебное служеніе апостоловъ должно выражаться въ томъ, чтобы умывать ноги другъ другу, быть слугами другъ друга,—среди нихъ нѣтъ ни царей, ни владыкъ, — только слуги и рабы,—вѣрнѣе: нѣтъ ни господъ—владыкъ, ни слугъ—рабовъ, а только человѣки, во взаимномъ служеніи другъ другу становящіеся совершенными, какъ совершенъ ихъ Отецъ Небесный Богъ, по образу Богочеловѣка Христа.

Послѣ этого Господь открываетъ пасхальную вечерю словами (Лук. 22, 15—19): „сильно желалъ (буквально: желаніемъ возжелалъ) Я эту ¹) пасху (т. е. этого, лежавшаго на столѣ

¹) Мы знаемъ уже (Мишна Х, 3), что при существованіи храма вмѣстѣ съ опрѣснокami, харосетомъ и другими кушаньями на столѣ подавалась и самая пасха съ самаго начала, т. е. до второй чаши.

пасхальнаго агнца) *ѣсть съ вами прежде Моего страданія, ибо говорю вамъ (увѣряю васъ), что уже не буду* (др. приб: *отнынѣ*) *ѣсть еѣ* (др. *отъ нея*), *доколѣ исполнитъ* ¹⁾ (она) *въ царствѣ Божіемъ*“.

„И *принявъ* (δεξάμενος, т. е. поданную) *чашу* (краснаго вина, разбавленнаго виномъ), *благодаривъ* (εὐχαριστήσας, произнесши положенное или Свое славословіе надъ виномъ: см. выше), *сказалъ: возмите* (λάβετε въ отличіе отъ δεξάμενος—сами возмите, а не примите поданную Христомъ чашу, какъ Самъ Онъ принялъ поданную Ему чашу) *это* (т. е. или вообще вино въ этой чашѣ, *се* Древнесл. и Ал., или *сію чашу* поздн. Кут. Кіев., нѣк. греч. оп.) *и* (нѣк. оп.) *раздѣлите между собою, ибо* (причина, почему сами ученики должны взять вино и раздѣлить между собою или пить безъ подаванія Христомъ) *говорю вамъ, что* (др. оп.) *не* (Ал. *яко уже не пью*) *испю* (не буду пить) *отъ нынѣ* (др. оп. какъ и слав. тепер. и Ал. Конст. и поздн.; но чит. Мар Зоґр Гал Мир. Ник *отселѣ* *вм.* *яко*) *отъ плода винограднаго, доколѣ* (въ томъ же смыслѣ какъ и прежде) *царство Божіе* (др. приб. *не*) *придетъ*“.

Очевидно Евангелистъ здѣсь говорить объ одной изъ двухъ первыхъ чашъ пасхальной вечери, и именно о второй, такъ какъ первая испивалась до возлежанія. Это—чаша агады, за коей объяснялось значеніе горькихъ травъ, опрѣсноковъ и пасхи, указывалось различіе пасхальной вечери отъ другихъ и раскрывался смыслъ этого праздника.

Вмѣсто этой, уже всѣмъ давно извѣстной, агады Господь говоритъ о прекращеніи іудейской пасхи (эту пасху), т. е. принесенія въ жертву пасхальнаго агнца и празднованія этой пасхальной вечери, подъ обрядомъ питія чашъ съ виномъ и яденія пасхальной жертвы и опрѣсноковъ съ горь-

¹⁾ Т. е. въ таинственномъ единеніи Христа-Богочеловѣка съ вѣрующими въ Новомъ Завѣтѣ, коего прообразомъ была ветхозавѣтная пасха. Полное исполненіе этого ожидается тогда, когда человѣкъ возобладаетъ тѣломъ духовнымъ вмѣсто теперешняго тѣлеснаго, когда Сынъ покоритъ Богу все и Самъ покорится Ему, да будетъ Богъ все во всемъ (I Кор 15) „Доколѣ“ здѣсь, какъ и нѣрѣдко (Мѣ 1, 18; I Кор. 15, 25 др.), выражаетъ полное прекращеніе дѣйствія, выражаемаго предшествующимъ глаголомъ. Тепер. слав. согл. Острож. 1571, Четвероев. 1598 и Кіев 1787 (Амфил.) относятъ *πληρωθῆν* къ *το παθεῖν*—*скончаются* (муки), но въ древнесл. и Ал. отн. къ пасхѣ.

кими травами (*доколѣ* въ значеніи прекращенія *φάω* и *πίω* или продолженія *μὴ* *φάω* и *μὴ* *πίω*, и когда придетъ царство Божіе), когда это (пасха, ея смыслъ духовный и значеніе нравственно-типическое или идейно - символическое) исполнится въ царствѣ Божіемъ. Такъ какъ царство Божіе не представимо безъ царя Его—Христа Мессіи и Богочеловѣка, то очевидно Господь говорилъ о концѣ всего стараго завѣта или закона Моисеева, органически связаннаго съ идеею іудаизма, и о наступленіи Новаго Завѣта съ пришествіемъ Царства Божія, внѣ и выше всякихъ національностей (Мѣ. 8, 11—12 др. под.). ¹⁾.

М. Муретовъ.

¹⁾ Впрочемъ въ вѣкоторыхъ текстахъ стихи 17—18 или совсѣмъ опущены, какъ одинъ греческій евангелитарій XI вѣка и славян. 15 в. у Амфилохія, или же читаются послѣ 18-го стиха вмѣсто 19—20 или же въ соединеніи съ ними какъ латинскіе *b* и *e* 5 вѣка и Сирскіе Куретоновъ, Синайскій и Пешито. Ср. слѣдующее примѣчаніе.